ОЛЬГА ДАРТАУ

СБОРНИК

Стихи и рассказы

КОЛУМБУС
1969

О. М. Дартау.

ОЛЬГА ДАРТАУ

СБОРНИК

Стихи и рассказы

КОЛУМБУС
1969

Того же автора:

СТИХИ, 1955 г. Разошлась.

АННА ЯРОСЛАВНА, поэма, 1959 г. Разошлась.

Издание автора

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

ВОСХОД СОЛНЦА

Не говори мой друг, молчи!
Внимай лишь утра легкой трели,
Цветов узорчатой парчи
Не мни . . . Пастушьей жди свирели.

Остановись! Смотри! Склонись!
Светило яркое восходит,
Безмерна ширь . . . Сияет высь.
Свет в мир пришел, — с ним Бог нисходит!

**
*

Нет лета без грозы,
Нет жизни без печали.

**
*

Бывают минуты сомнений неясных,
Тяжелых и мрачных метущихся дум . . .
Но мыслей ты этих, порой и опасных,
Не бойся, — в них гроз налетающих шум . . .

Ведь не было ж лета без гроз и сверканья,
Оно тем прекрасно, оно тем манит.
Нет жизни без муки, без слез и страданья,
Лишь их пережив наше сердце горит!

МЕЧТА

В синюю безбрежность
    Хоть разок взлететь!
Крыльев белоснежность
    Ангельских узреть.
Путь к Творцу измерить
    Взлетами души,
Боль и скорбь доверить
    Господу в тиши...
Вечною звездою
    В небе засиять,
Пылью золотою
    Сны во тьму ронять.
И к стопам склониться
    Бога моего,
Духом приобщиться
    Святости Его!

К — С. К. В.

В минуту трудную сомнений,
Земных тревог и пустоты,
Не предавайся сожаленью,
Верь, не один на свете ты.

Что значит даль? Когда стремленье
Всех лучших чувств вокруг тебя,
Души порывы, зов, горенье,
Стирают грань меж — Ты и Я.

Д. И. КЛЕНОВСКОМУ

Благодарим, что солнца луч
Нам подарил в наш век мятежный,
И среди жизни грозных туч
    Напомнил о лазури нежной...

Сумел склонясь над гладью вод
Увидеть «Храм» в лучах алмазных...
Сказав: «Невидимый идет»,
    Он охранит в путях опасных.

Поверить дал, что в век тоски
Когда поруганы святыни
Все ж сердцу Бог, Любовь близки
    Сначала мира и доныне.

Наш «Храм» поруган... Свет угас.
Лишь скрытые чуть слышны стоны...
Но верим— в смерти грозный час
    Услышим благовеста звоны.

О СТИХАХ Д. КЛЕНОВСКОГО

Весенняя в стихах воздушность,
    Незримой тайны глубина...
Законов Бытия в них сущность,
    Паренье нежного крыла...

В них вздох, порыв, тоска, смятенье,
    Полет в неведомую даль.
Души в них *всенощное* бденье,
    Свет — побеждающий печаль.

ДАЛЬ РОДНАЯ

Ах, ты даль родная,
Даль хрустально-нежная,
Сонно-безмятежная,
С предвечерним звоном,
С голубиным стоном,
С запахом ромашки,
Медуницы, кашки,
С пылью золотистой,
С травкой шелковистой,
С жаворонка пеньем,
Пчёл и ос гуденьем,
С песней за рекою
Полною тоскою...
    Ты навек пленила,
    Сердце полонила,
Душу окрылила...
    Даль, о даль родная
Русь моя святая!

В САДУ

Как хрупки, свежи, чудны розы
    Стыдливы, чутки так мимозы!
Нарциссов так печален взор,
    Причудлив вьюнчиков узор!

Чего стыдятся так фиалки?
    Зачем у лилий взгляд весталки?
К чему дурманит резеда?
    Пред кем склонилась лебеда?

Как горды красные пионы!
    Ох, всюду лютики шпионы!
От взоров их бегу скорей
    В дубраву, в кружево ветвей!

ЛЮБИЛИ ЛЬ ВЫ?

Любили ль вы Руси дубравы?
Их листьев лепет пред зарей?
И незабудки вдоль канавы
С их чистой, свежею росой?

Любили ль тихие долины,
Их пестро-радужный узор?
У речки чахлые рябины
Ласкали ль ваш когда-то взор?

Ведь дороги вам были нивы
С златой волною зыбкой ржи?
Да тихо плачущие ивы
И перелески на межи?

И длинный, серый ряд избушек
Ведь близок был когда-то вам?
Вам не забыть в платках старушек,
Идущих тихо в светлый храм.

Я знаю, песнею раздольной
Русь вам по-прежнему близка,
В молитве со слезой невольной
Вы ей верны издалека.

РУСЬ БЕЛОСНЕЖНАЯ

Русь белоснежная в зимнем уборе,
Русь золотая осенней порой,
Ширь розовят твою летние зори,
Тучи приветствуют вешней грозой.
Ты возродилась в безбрежном просторе,
«Вечности тайну» скрыв в чаще лесной,
Нет тебе равной и в славе, и горе,
Звонок в дни счастья напев удалой.
Сказку творишь ты, ты создана сказкой,
Юной, мечательной русской душой.
Всё в тебе дышет любовью и лаской,
Срывами, взлётами, скорбью, мечтой.
Лик свой не скроешь под чёрною маской,
Ты велика, как простор голубой!
Ты светозарной отмечна — Пасхой,
Путь твой намечен был — *Волей Святой!*

РУСЬ

Там вдали, за синей дымкой,
Русь широкая лежит . . .
Каждой травкою, былинкой,
Плачет, шепчет и манит.
    В лес зовет сосновый, темный,
    Слушать веток перезвон,
    Словно в «Храм тоски» безмолвный,
    Чтоб затих там, замер стон . . .
В море ржи златистой манит,
И звенит коса в лугах:
«Зорька будет, солнце встанет,
Радость вновь блеснет в очах».
    Русь годами в перезвонах
    С куполов церквей звенит,
    И в тоскливых, скрытых стонах
    Нас зовет, зовет, манит!

ТЫ, ЗНАЮ, ТОСКУЕШЬ . . .

Ты, знаю, тоскуешь по роще зеленой,
По берегу речки родной ты грустишь,
По ниве широкой, лучами сожжённой,
И жадно за птичьим полётом следишь.
    О, если б ты мог легкокрылою птицей,
    Над снежной равниной средь туч пролететь?
    Чтоб темною ночью с багряной зарницей
    Над полем родимым *Россию* воспеть.
Воспеть *Русь святую* в тоске и печали,
И тех, кто оторван от пашни родной,
И тех, кому грезятся синие дали,
Чьи выжжены очи горячей слезой.
    Лети же на *Русь* хоть мечтою заветной
    В купель слёз народных душой окунись,
    И с верой святою, с любовью ответной,
    С надеждой на лучшую долю вернись.

РУСЬ

О, Русь велика, широка и обильна,
Безбрежность в ней, сила и мощь в ней царят.
Ну что ж, что сейчас так больна и бессильна,
Ведь вера же в Правду, Любовь в ней горят

В ней нивы по-прежнему золотом слепят,
По-прежнему чисты ручьи средь дубрав,
Казаки по-прежнему мазанки лепят,
И косы снуют среди шелковых трав...

Как прежде детишки в горелки играют,
Вечерние звоны всё так же зовут...
И звезды вечерние тихо сияют,
И тучки барашками думно плывут.

Она, как боярыня в ложе просторном,
Страдая лежит... Но душа в ней ясна,
И очи воздев лишь в моленьи покорном
Ждет тихо когда вновь вернется весна,

Весна возрождения сил и стремлений,
Весна, что потоками чистыми вод
Омоет всю тяжесть, всю горечь сомнений
И *Бога* познает вновь русский народ!

**
*

Нет, не выплакать в слезах
 Горя о далеком...
Неужель всё в жизни прах
 В мареве широком?
Неужель лишь только сон,
 Отчий дом, салазки,
В лунном серебре балкон,
 Старой няни сказки?
Неужель, боюсь сказать,
 Зов любви весенний
Обречен в тоске рыдать,
 Словно дождь осенний?
Нет, он как лампадки свет
 Жизни мрак рассеет,
На вопросы даст ответ,
 Душу отогреет.

НАРОД БОГОИСКАТЕЛЬ

Красота души народной
Сказки чудные творит,
И мечтою благородной
Свет во тьме ее горит.
Витязь он, народ ваятель
Грез искристо-золотых,
Инок он, Богоискатель,
Обитатель мест святых;
Исходил пути родные,
Породнился с нищетой,
А богатства вековые
Счел греховной суетой.
И постиг он тишь лесную,
Тайну подвига познал,
Озарил печаль земную —
Сказку звездную соткал.
Глубь падения измерил,
Страсть смиреньем укротил;
Чрез отчаянье поверил
Богу солнца и светил.

Мои очи смежились
Так устала я жить,
Любви сказки мне снились,
Но порвалась их нить . . .
Над голубой Невою
Хрустален был апрель,
И пахло так весною,
И слышалась свирель . . .
Узоры стерлись, краски,
Любви лишь снился сон . . .
Вновь нет у жизни маски
Ночь примет новый стон.

ХРИСТОВА НОЧЬ

Пред иконою святою
Горяча моя слеза,
От лампадки полосою
Свет упал в твои глаза.
Встанем тихо на колени
И помолимся с тобой
Обо всех, кто в заточеньи,
Там, в *России,* мой родной.
Ты проси, малютка, Бога,
Чтоб Он детям там помог.
Там терниста их дорога, —
Каждый взрослый изнемог.
Ничего, что те далеки —
Связь души не порвалась.
Погляди-ка на востоке
Для волхвов звезда зажглась.
В эту ночь — *Христа* рожденья
Бог беседует с землей.
Близко Божие прощенье
Для *России* дорогой.

НЕУЖЕЛЬ?

Неужель зазвенят колокольчики
Среди ржи и в высокой траве?
И седой головой одуванчики
Будут тихо качать в полусне?
Улыбнется вновь солнышко ясное,
Зашумит лес листвой молодой,
Как мечта иль виденье неясное
Взглянет ландыш, омытый росой.
Заструятся, польются каскадами,
Зазвенят над полями лучи,
И польются дожди водопадами,
Зазвучат и заблещут ручьи?
Неужель вновь настанет день праздничный,
Всё сольется в сплошной перезвон,
А кошмар жизни страшной и призрачной
Разлетится, как дымка, как сон?

ПЕРЕЗВОНЫ

Чу! Слышишь, слышишь перезвон
С далекой родины плененной.
В нем шепот листьев, ветра стон,
И отзвук песни затаенной.
  Аккордом мощным он звучит,
  Он жаром дышет, он пылает,
  В степную ширь, в поля манит,
  В нем *Русь* бескрайняя рыдает . . .
В нем стоны сосен, плач берез,
В нем аромат степи далекой,
В нем плач народа, море слез,
И грусть отчизны светлоокой.
  Напев свирели в нем звучит,
  Мелодий стонущих призывы,
  В них каждый звук нам ворожит,
  Тоски народной в них порывы.
То бурей вдруг в лицо пахнет,
И рой за роем снег взметнется,
И тройка птицею порхнет,
Да песнею ямщик зальется . . .
  И вспомнишь витязей пиры,
  Былые песни, хороводы,
  Родные сказки, грезы, сны,
  Что смыть не могут и невзгоды . . .
Да, *Русь* больна . . . Там гнет царит . . .
Любви там попраны законы . . .
Страданий крест дух обновит
И *мощь* вольется в *перезвоны!*

ОТВЕТ ЛЬВУ ВЕЛЬШ-УАЛЬШ

Я не мечта, не вдохновенье,
  Не сказка я, не бред . . .
Твоих больных, немых вопросов
  Я не решающий ответ!

СНЕЖИНКИ

Средь ночи слышу бури грохот,
Плач ветра, стоны и мольбы.
Так страшен, глух деревьев ропот,
И я во власти ночи, тьмы...
Снежинки яркие взлетая,
Кружатся, искрятся во тьме,
И пеленою ниспадая
Покорные летят к земле...
О, вы лучистые скажите,
Зачем вокруг вас холод, тьма?
Но вы хрустальные молчите,
Вновь тщетна страстная мольба!

ПОМОЛИТЕСЬ ЗА ТЕХ...

Помолитесь за тех, кто годами
За решеткой проводит все дни...
Кто тоскует безмолвно ночами
Там, в студенной, сибирской дали...

Помолитесь за тех, кто согбенный
В даль с надеждою скорбно глядит...
Кто работой вконец изнуренный
Ночью темною, стонет — не спит...

Ведь живет человек-то однажды,
Почему солнца, песен лишен?
Иссушенный участия жаждой
Словно заживо там погребен...

Мы живем же все здесь на свободе,
А ведь каждый из нас мог там быть...
О родном мы забыли народе,
Через край даем горе им пить!

О ПОЕЗДКЕ ТУРИСТОВ В СССР

Ах этих глаз немые звуки!
Они вокруг, числа им нет!
В них зов и стон безмерной муки,
Пленённой мысли слабый свет...

Вся скорбь души опустошенной
Горит в подавленных слезах,
Да облик горестно согбенный
Кричит о тягостных годах...

Но вы — проходите все мимо,
Вам чужд страдания удел,
Порою улыбнетесь мило
Забыв о тех, кто *так* смотрел...

Вернетесь вновь к удобствам жизни
Оставив тех в плену тоски...
Вам чужды — голос укоризны,
И боль, что рвёт всё на куски!

О ВЫСТАВКЕ ХУДОЖНИКА Н. П. БОГДАНОВА-БЕЛЬСКОГО

Сколько света! Сколько красок!
Гимны радужных тонов.
Здесь призывность вешних сказок,
Песни русские без слов!

Солнце ласково так греет,
Аромат полей пьянит,
Холод вьюжных зим здесь веет,
Даль широкая манит.

Всё здесь живо, всё понятно,
Близок сердцу смех ребят,
С ними ели шепчут внятно:
«Слышишь, как ручьи звенят!»

Даль манит здесь, ширь чарует,
Яркий луч как бы поёт:
«Радость жизни скорбь врачует,
Русь великая грядет!»

МОЛИТВА

О, Господи, Отец наш, свет, любовь,
Воззри на нас. Поруган «Храм свободы»
Бушует рёв стихийной непогоды,
Невинных братьев буйно льётся кровь . . .

Мы в жертву принесли царя, чтоб вновь,
Вспоить слезой изсохшей веры всходы,
Приняв «страданий крест» несем невзгоды,
В горниле бед забыло сердце — *«Новъ»*

Отец любви! Властитель всей природы,
Мы пали, мы рабы, наш отнят кров,
Не отвергай молитвы за отцов.

Из тьмы паденья видим хороводы
Манящих звезд, они поют без слов:
«Что Ты простишь, — Царь молит за сынов!»

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Веет холодом снежной метели,
Зачарованный лес, словно спит . . .
В белых хлопьях алмазной кудели
Свет рассеянный тихо горит.
Веет снами обманчивой сказки,
Лучезарной, ушедшей весны . . .
Запоздалой не нужно здесь ласки,
Здесь кристальное царство мечты . . .
В белоснежные ризы одета,
Разметав кудри гибких ветвей,
Спит сосна . . . Счастья песня не спета
Ее буря повергла в ручей . . .
Распростилась с златистой зарею,
Ее ждет темных вод глубина,
Лес объят зимней сказки тоскою,
И рыдает над ней — тишина . . .

ЕЕ ПОРТРЕТ

Не знаю я, зарею ль ясной,
Иль темной ночью ты пришла,
Чтоб предо мной мечтой неясной
Средь света, тени ты прошла?
  Тебя познав в созвучьи красок,
  Создам из линий и штрихов,
  Отобразив всю яркость красок
  Моих мечтаний, грез и снов...
В тебе ищу я теней лепет,
Весенний, нежный луч ищу,
И многоцветных бликов трепет,
И над изломами грущу.
  В тебе одной все краски мира
  Хочу спаять в одно звено,
  Чтобы из света, теней пира
  Создать — Великое *Одно!*

О БАЛЬМОНТЕ

Его сонет, — то песня неземная,
То яркий штрих художника мечты,
То свет, то грань предвечной красоты,
Гармония созвучий мировая!
  В нем луч, порыв, в нем мысли нить златая,
  Призывность предрассветной в нем звезды,
  Искрйстость, свежесть утренней росы,
  В нем ширь, в нем глубь, лазурь в нем голубая!
Как сын огня, он пламя роковое
Сумел возжечь, не опалив сердец,
И в чаши грез налил вино хмельное.
  Ласкал и грел, как солнце огневое,
  Воспел *Того*, чье Имя — наш Творец
  И в высь манил с собою все земное!

ОРЕЛ

Ночь молчит . . . Мерцают дали снежные,
Только там, в туманной пелене
Резметались цепи гор безбрежные
Грезят в тихом полусне . . .

И над кручей острою, сверкающей,
Вдаль орёл с тоской глядит,
И предсмертной мыслею всезнающей,
Взор познания горит . . .

И проходит жизни сновидением,
Весь угар свободы, красоты,
И изжитым, жгучим наслаждением
Полны прошлого мечты! . .

В море звёзд купаясь ночью лунною,
Даль измерил, ширь и высь,
Реял с зорькой ясной, многострунною,
С бурей братьями неслись . . .

Всё изжил, всю гамму чувств и знания,
Но пред тем, как зоркий взор угас,
Понял в вечном гимне мироздания
Зов любви в предсмертный час!

ЗВЕНЬЯ

1

Кто с детства полюбил огни зарницы,
Их яркий свет средь ночи голубой,
Кто восприял их тайный зов душой,
Прочел тот жизни вещие страницы.
    В том легковейность синей, редкой птицы,
    Тот грань провел, меж светом, тенью, тьмой,
    Овеян тот нездешнею мечтой,
    В том взмах, порыв, полет и мощь орлицы!
Смиренен тот, в том взгляд отроковицы,
Что в «Храм» идет с зажженною свечой,
Сомкнув пред тайной легкие ресницы.
    Призывность в том весенней медуницы,
    Отмечен лик утонченной красой,
    В том мощь, в том страсть, в том сила, гибкость
                                                            львицы!

2

В том мощь, в том страсть, в том сила, гибкость
                                                            львицы,
Кто в очи звезд с тоскою заглянул,
Кто зорь румяных звоны всколыхнул,
Прорезав ширь крылами синей птицы!
    Взвиваясь ввысь спиралями орлицы,
    В лазури ясной, тот, кто утонул,
    Кто слышал бурь весенних склик, разгул,
    В том свет, лазурь, в том пламя огневицы.
Кто «Храм мечты» построил из темницы,
Кто аромат весны в снах почерпнул,
В том высь и глубь, в том трепетность зарницы . . .
    Кто в жизни шел, как схимник в власянице,
    Чрез «Тайну Смерти» Силу жить вдохнул,
    В том — Бог и Свет, в том святость Плащаницы!

3

Ты говоришь, июль поет в дубраве;
Но почему в душе осенний гнет?
И даль уж не волнует, не зовет,
Да лист шуршит сгрудившись вдоль канавы...
    Он в лес проник потоком красной лавы,
    Он в час закатный взор туманит, жжет,
    Златую цепь забытых грез кует,
    Вливая в душу яд былой отравы...
Я в песнях бури жду былой октавы;
Но заунывен ветра скорбный плач,
И никнут долу грустные купавы...
    Уж не чаруют взор стрекоз забавы,
    И смерть спешит, жестока, как палач,
    В сознаньи Красоты своей и Славы!

4

В сознаньи Красоты своей и Славы,
Уж «Осень-Смерть» кивает меж ветвей,
Росой искристой плачет средь полей,
Янтарной пылью обвивая травы.
    Не жди созвучья прежнего октавы,
    Ты радость в поцелуе с губ не пей,
    Ты паутину юных снов развей,
    Забудь былые вешние забавы...
Смотри, грустят, тоскуют как купавы,
Не встретят свет Ивановых огней,
Их вдаль унес осенний чародей...
    За ним умчись с листвою яркой лавы,
    Туда, где свет незримых алтарей,
    И перед ними скорбь души излей...

5

В душе порыв, тоска и боль смятенья,
Хочу сорвать покровы тайных сил,
Узреть все то, что *Он* от взоров скрыл,
Хотя б ценой нездешнего мученья.
  В час новых встреч, в оковах сновиденья,
  Жестокий рок мне в сердце меч вонзил,
  Исканьем Правды душу отравил,
  В тернистый путь направил дерзновенья.
Я в даль иду полна тоски и пенья,
Среди безликих, лик *Его* ищу,
Но вновь сильна законность повторенья . . .
  Нет больше сил, сжигает яд сомненья,
  Все ж бережно внесу свою свечу
  В *Его* чертог к Подножью Единенья!

6

В *Его* чертог, к Подножью Единенья
Любви безмерной жертву принесу,
Страданья чашу, знаю, осушу,
Лишь бы познать великий миг — прозренья.
  Проходят дни . . . Обманны сновиденья,
  Цветы в ночи пьют крупных слез росу,
  Теряет осень вешнюю красу,
  И зимних вьюг уж слышу песнопенья . . .
Бесстрастен Рок, сильна власть повторенья,
Звено к звену продленьями течет,
В том Тайна, Мощь, закон миротворенья.
  Так почему ж в душе напев сомненья?
  Ведь жизни путь в чертог любви ведет
  К великой тайне высшего Крещенья!

7

Как мысли нить в узоре откровенья,
Как лучезарно-предрассветный сон,
Как трав весенних в поле перезвон
Так в душу проникает вдохновенье!
    Как свет, как мысли льют свои внушенья,
    В открытый взор, так сказка лунных грез,
    Проходит среди ночи в искрах рос,
    Тоски полна и страстного томленья...
Я грезу жду, жду снов и песнопенья,
Хочу вдыхать их вешний аромат,
И опьянеть хочу я до забвенья!
    Познав любовь и радость всепрощенья,
    Быть может встречу с радостью закат
    И с ним уйду, оставив звучность пенья!

8

Как яркий бред за чашей опьяненья
Как гроз разгул в весенней синеве,
Как снов мираж в полночной звездной мгле,
Чаруют нас так песни вдохновенья!
    Как моря зов в закатный час свеченья,
    Как жемчуг рос при лунном серебре,
    Как солнца луч на трепетной листве,
    Так вечны в нас Любви и Страсти звенья...
Мы будем пить из чаши озаренья
При свете ярко-огненных зарниц
В великом храме «Жизни и Смиренья»
    Умчимся вдаль, где зов поет Веленья!
    В простор любви!.. В путь синих, ярких птиц
    Чтоб взлёт познать — хотя б ценой паденья!

ТИШИНА

Нездешняя есть красота
В звучанье нежном тишины.
    В ней песен горних высота ль?
    Иль тьма безмерной глубины?
Она поёт и призывает,
Тоска в ней радость, вечный зов.
    Быть может счастье обещает?
    Иль может тяжкий звон оков?
Но слушать тишину мы будем
Ее молитвенный напев,
    С душой созвучий не забудем
    Пока угаснем, догорев!

ПАМЯТИ М. И. ГЛИНКИ

Как колокольный звон пасхальный
Аккордом мощным прозвучал
Твоих мелодий звук хрустальный
И в сердце русское запал.
    Запал, прирос к родной стихии,
    Тоскою сердце защемил,
    А песни вольные, лихие
    Метелью снежной закружил...
Ты, как и Пушкин, даль родную,
Ее приволье, ширь, простор,
Вплёл в ткань морозно-кружевную,
Заткал в гармонии узор.
    На подвиг звал за *Русь* святую,
    Любовь вознес, как фимиам,
    Молитву — песню неземную
    Ты в дар принес в пресветлый храм...
Ты в *Херувимской* возвеличил
Творца бесчисленных светил,
Ты — *Богом* посланный учитель
Россию с небом породнил!

МОРЕ

Сравненье есть, что *жизнь* — море,
Море полное тоски...
В нем родятся бури, горе,
Шелестят в тоске пески...

Дни сменяются годами,
Море серое бурлит...
Люди гибнут в нем веками,
Море тайну их хранит...

Лик луны в нем тихо дремлет,
Серебрит стальную гладь,
Его рокоту тишь внемлет,
Волон ветер треплет прядь...

За волной плывут вновь волны,
Исчезают, вновь плывут,
В час прибоя страсти полны,
И в отлив с тоской поют:

«Мы эмблема жизни серой,
Безнадежной и пустой,
В нас все дышет силой смелой,
Жизни юной, молодой».

Вечна смена гребней моря,
Моря ширь так велика...
Вечна смена жизни, горя.
Нам поют о том века.

Отчего ночью звезды в своей красоте
Так безмерно близки нам, горя в высоте?
Слишком горечь земная томит и гнетет,
Потому высь чарует, манит и зовет.
И во сне, в полусне, среди звона цепей
Жадно ищем мы свет тихих звездных очей.

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Из века в век, горят доныне
    Глаза мерцающие звезд,
Горят в степи, горят в пустыне,
    В сияньи слез людских и грез.
Из века в век плывут туманы,
    Над гладью вод стальных плывут,
В них стоны, жалобы, обманы —
    Людских безумий жуткий спрут.
Веками море грозно плещет,
    Бушует, пенится, бурлит,
Пред ним живое все трепещет,
    О нем поет и говорит.
Из века в век смеются зори,
    Светило вечное встает,
В них красоту нездешней воли,
    Бессмертье — смертный познает.
Веками дни сменяют ночи,
    И тишина во тьме поет,
Веками что-то ищут очи,
    И все рассвета тихо ждет.
Цветы веками расцветают,
    И увядают, чтоб цвести,
Веками люди умирают,
    Уходят, чтобы вновь прийти . . .
Из века в век вопрос всплывает
    В умах детей и стариков:
«Какую тайну жизнь скрывает?»
    Но безответна глубь веков!

Право любви — это Счастье.
Мудрость любви — Красота,
Ценность любви — взгляд участья.
Святость любви — Чистота.

СИРОТКИ

Пугливо-робкий взгляд сироток
Так много сердцу говорит.
Их взор печален, нежен, кроток,
Печать «Чужой» на них лежит.
  Как рано вы «Чужими» стали,
  Подачек горечь всю познав,
  У вас все светлое украли
  В грязь души детские втоптав...
За что, лишенные привета
И ласки матери родной,
Вы остаетесь без ответа
Среди толпы глухой, чужой?
  Ужель за то, что чисты сердцем,
  Что беззащитны и слабы,
  И потому вы под оконцем
  Должны выпрашивать гроши.
И если, кто лохмотья бросит,
Чтоб тельце детское согреть,
Ужель о горестях не спросит
И будет холодно глядеть,
  Смотреть в туманный взгляд — печали,
  Омытый горькою слезой,
  Что долго ждет ответ из дали
  Стремясь за ласковой мечтой...
Но взор тоскливый и печальный,
Ответ напрасно будет ждать,
И долго так многострадальный
Он будет по свету блуждать.
  И дни заменятся годами,
  Ведь торный путь сирот далек!
  И над главами с сединами
  Чертить «*Чужой*» все будет рок!

О СТИХАХ А. КОРОВАЙ-МЕТЕЛИЦКОГО

Цветам то песни, солнцу, свету,
    Молитва пламенной души.
То зов к Всевышнего Завету,
    Призывный благовест в тиши.

В безверье — верою в них веет,
    Высь беспредельная манит!
Любовь *Творца* в них душу греет,
    Из Назарета глас звучит.

Посвящается сестре милосердия

Л. Алферовой.

Великó, поверьте, званье
    Милосердия сестры.
Подвиг здесь. Любовь. Призванье.
    Святость пламенной мечты.

Ночью долгою, бессонной
    К изголовью подойдет,
С лаской скорбною, бездонной,
    «Потерпи, мой друг», шепнет.

Иль под грохот пушек страшный,
    Помощь страждущим несет...
«Помоги! Спаси!» — несчастный
    Среди мук в тоске зовет.

И она без сна с тоскою
    Луч надежды им несет,
Щедрой, женскою рукою
    Любовь братскую дает.

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ РАССКАЗА СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

Она была, как маленькая мошка,
С руками тонкими и в темненьком платке,
Днем вышивала сидя у окошка,
Ночами плакала, вздыхая в полусне...
И дни за днями тусклой чередою
Без радости и света в беспредельность шли.
Всегда одна... И робкою стопою
Неслышно шла средь жизни, грязи и пыли...
Но вот один явился перед нею.
Он не любя ее, лишь время проводил...
Потом решив покончить ту затею
Уехал навсегда... Конечно позабыл.
Но в ней-то вера в счастие порвалась,
Надежда на обрывок радости земной,
Так в жизни *Ничего* ей не досталось...
Подарит может смерть ей вечный сон, покой?

⁂

Хочу я властвовать собою,
Страстей, желаний пыл сдержать.
Их смело властною рукою
К добру и правде направлять.

Хочу, чтоб светоч «Яркой Грезы»
Манил меня в простор, вперед!
Чтоб неподдельны были слезы,
Когда сомненье ядом жжёт.

Хочу познать в чём радость жизни,
Всем ищущим ее отдать,
Чтоб смолкли вопли укоризны,
И плачущий забыл рыдать!

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Как много ближних ждущих подаянья,
Хоть крох любви, участья, состраданья,
Улыбки, взгляда, ласкового слова,
Жилось чтоб легче без родного крова.

Для многих путь тернист, далек печален,
И многих, многих лик многострадален,
Они уйдут и канут без возврата,
В ком болью отзовется их утрата?

К ним подойти б со словом утешенья,
Улыбкою развеять тень сомненья,
И братски поддержать в часы сомненья,
Не в этом ли любви живой значенье?

Да, много ближних ждущих пониманья
Их скорбных дум и скрытого страданья.

СОЗВУЧЬЯ СЛОВ

Созвучья слов, они прекрасны,
Они чаруют, они ясны,
Как утра свежего роса.

Они зовут, они ласкают,
Они врачуют, примиряют,
В них беспредельность, небеса!

Всегда искрясь, как солнце вечны,
Как сны весенние беспечны,
Легки, как пена на волнах...

Как волны моря говорливы,
Как звезды ночи молчаливы,
В них наши — Совесть, Бог и Страх!

***

Есть скрытые раны в сердцах у людей,
К чему наносить их? Лечить их сумей!

О МИНЦЛОВЕ

Седины инеем времен покрылись,
Как четкий, древний над челом узор.
Духовной жаждою был полон взор,
В нем вспышки мыслей искрами роились.
  Ему забытые напевы снились,
  Минувших сказок, песен, снов простор,
  Он их соткал в причудливый узор,
  И скрытой тайны с ним мы приобщились.
В нем тихое горенье мысли вечной,
Учил он пережитое ценить,
Чаруя сказкой жизни бесконечной.
  И властно, как дорогой дальней, млечной,
  Он будет сединой времен манить,
  Туда, где в мире нет мечты конечной.

ОТВЕТ С. Р. МИНЦЛОВУ

В минуту страстно-жаркого моленья,
Когда в душе безмолвье пустоты,
Когда нет в мыслях прежней остроты,
Не отрицай ЕГО ты в час сомненья.

Иди вперед за тайной откровенья,
Туда, где свет предвечной красоты,
Где чары слов ненужны и пусты,
Стремись туда, где Божии веленья.

Чем глубже скорбь, тем чище песнопенье,
Предсмертной тайной манит в даль закат,
Он неземные шлет нам сновиденья.

За ним рассвет, как символ возрожденья,
Вливая в душу вешний аромат,
Чарует вечной тайной воскресенья!

ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК

На недоступной, снежной, круче,
Цветок любви рос голубой,
Взрощенный солнцем и весной,
Он был взлелеян вешней тучей . . .
Его лучи на зорьке грели,
В бриллиантах рос он лик свой мыл,
Он в дымке грез весь мир забыл,
Ему о счастьи ветры пели . . .
На крыльях легких и сквозистых
Ночь синебликая, звеня,
Его баюкала любя,
Возжев лампады звезд лучистых . . .
И шли века . . . Года змеились . . .
Он пышно цвел меж снежных льдин . . .
Его познал — лишь БОГ один . . .
А мы? . . Мы лишь ему молились!

К — С. В. Д.

Тебя хочу я песнею прославить,
Всю гамму чувств своих в ней передать.
Хочу с тобой созвездьем засиять,
В огне сознанья мысли тесно сплавить.
Твой лик утонченный хочу оправить
Как в ореол кудрей златую прядь,
С весны лучом могу твой взор спаять,
В лазурь и ширь велю твой путь направить.
Превыше грез хочу тебя поставить,
Полетом звезд ты будешь управлять,
И с ними в тьму златые сны ронять . . .
Любовь и страсть мы вместе будем славить,
Чтоб искры зорь в единый луч собрать,
И светом солнца мир зачаровать!

К — С. В. Д.

Раз когда-то дымкой
    Счастье промелькнуло,
Скрылось невидимкой,
    Сердце обмануло . . .
Чтоб ему лазурной
    Сказкой обернуться,
Страстью яркой, бурной,
    Жгучею проснуться.
Нет, ушло с листвою
    Осени холодной,
Обожгло тоскою,
    Скорбною, бесплодной.

ВСТРЕЧА

Эта встреча была неслучайной,
Этот взгляд был глубоко так строг.
Высь полна была музыкой, тайной,
    Сердца́ дали взаимно зарок.

Словно искры средь сумрачной дали,
Взоры встретились, сердце прожгли,
И в ответной, безмерной печали
    Пониманье и помощь нашли . . .

Ночи шли . . . заменялись рассветом,
А в сердцах разгоралась заря . . .
О, каким ярким, радужным светом
    Их любовь запылала, горя!

* * *

Настал великий день творенья!
Притихли ветры, море спит . . .
И чистый образ вдохновенья
Очами радости горит!

ОТВЕТ — С. В. Д.

Нет не красивая мечта,
А чувство полымем навек
Мне душу опалило . . .

Как у причастницы уста,
Как звезд в высотах вечный бег,
Любовью оживило . . .

Весенний лунный свет проник
В мой терем девичий, сияя . . .
Крылом взмахнув склонил свой лик
Дух света, тихо пролетая . . .

И вспыхнул грез стоцветный рой,
В пыли купаясь золотистой,
И песни звездною тропой
Ввысь вознеслись — молитвой чистой!

ЭКСПРОМТ

Люблю осенний, беспокойный шелест
Листвы поблекшей в парках и садах,
Протест ушедших юных снов в них прелесть,
В них скорбный вздох на сомкнутых устах . . .
В лучах прощальных осени печальной
Отсветы жизни скорбно прожитой,
В них плач и стон души многострадальной,
Перед тропой в нездешний мир — иной . . .

К — С. В. Д.

Не ищи того, что грезилось весною,
Помни об одном лишь — осень пред тобою.
Осень жизни, чувства, горестных утрат,
Видишь, меркнет, гаснет золотой закат...

Был когда-то ярок солнечный восход,
Мыслями парили, там, где синь высот...
В яркое созвездье чувства заплелись,
Лунною дорогой нас манила высь...

Но холодный ветер налетев сорвал
Яркое созвездье вешних покрывал,
Души ознобил он, сердце омертвил
Чашу грез весенних яростно разбил!

Не ищи в опавшей осени-листве
Что весной приснилось рано на заре...
Лучезарность сказок прежних не вернуть,
Только песен вешних, друг мой, не забудь!

ПОХОРОНЕНО В ЛЕСАХ ДАЛЕКИХ...

Похоронено в лесах далеких,
Найденное не вернется вновь...
Затерялось на путях широких,
Пустота... Скорбь изогнула бровь...
    Да, потерянное не вернется,
    Найденное счастье, словно дым,
    Не удержишь, — облачком завьется
    Уплывет сияньем золотым...
Хоть зови потом не умолкая,
Не вернуть былого — *никогда,*
Как изгнанник у преддверья рая
Ты познаешь ужас — *навсегда!*

*
* *

Я хочу один раз тебя встретить,
    Только раз в долгом жизни пути,
На любовь можешь ты не ответить,
    Только раз на меня посмотри.

Я в ответ подарю тебя взором,
    Что, как полымя, сердце прожжет,
Ослепит голубым метеором.
    Грозовою стрелою сверкнет.

И от силы палящего взора,
    Хоть и холодно сердце твое,
Запылают огнями просторы,
    Загорится, зажжется твое!

ВЕСНА УШЕДШАЯ

Весна . . . Любовь. Скворцы. Фиалки.
В росе сиреневый букет . . .
    Мечты на гамаке качалке,
    Ночей жемчужный полусвет.

А эти встречи у калитки,
Любимых глаз немой призыв,
    И шейка в кружеве накидки,
    В бескрайность молодой порыв.

И трели соловья за речкой,
Все в гимны юности слилось.
    И, словно бабочка над свечкой,
    Сгорело . . . Пеплом разнеслось . . .

* * *

Уж снежком запорошились
Кудри темные мои,
    Сны и грезы отоснились,
    Бесконечны, пусты дни...

Кто снежок седин навеял?
Отчего печален взор?
    Счастье, радость кто развеял?
    Почему в глазах укор?

Где ответ? Ответ ли нужен,
Когда правит рок судьбой?..
    Счастлив будь, что был разбужен
    В жизни раз — любви грозой!

МАНИЛИ ВЕШНИЕ УЗОРЫ

Манили вешние узоры,
Клубились в небе облака...
Горели и смеялись взоры,
Но в сердце плакала тоска...
    Тоска по встрече неповторной,
    Средь ночи лунно-голубой,
    Цветеньем яблонь опьяненной
    Под пылью звездно-золотой...
Но буря вешняя промчалась,
Увяли, отцвели цветы...
Любовь миражем оказалась,
Но в сердце все ж остался Ты!

* * *

Ты сказка звездно-голубая,
Аккорд стозвучный в «Храме грез»,
    Страница ты любви святая,
    Мой рай, голгофа моих слез.

К — С. В. Д.

Прощай!
Но знай, что солнце всюду светит,
Что аромат цветов весной пьянит,
Что ветерок всегда ответит
Тому, чье сердце ноет и скорбит...

И знай, — что очи звезд чаруют
Кто отраженье их в глазах познал,
И бури радостно волнуют
Того, — кто вихрей натиск презирал.

Да знай, что все богатства мира —
Кто слился с ним в могучее звено
И помни — никакая сила
Уж не порвет — что вместе быть должно!

ПОСЛЕ БУРИ

Тихий вечер после бури,
Голубых небес простор,
Вновь покой и зов лазури,
Луч закатный манит взор.
    Отшумел холодный ливень,
    Гром раскатов не страшит,
    Где-то хлопает лишь ставень,
    Лунным светом сад залит...
Птиц вечерняя молитва,
Нежный отсвет на кустах,
Бури вешней стихла битва,
    Лишь березка — вся в слезах...

* * *

То песнь песней мысли вечной,
Стозвучный гимн — Красоте!
То путь к высотам бесконечный,
То радость ДУХА на земле

ПРОШЛА ТАК ЖИЗНЬ...

Прошла так жизнь, словно тень,
Ни радости, ни счастья.
Как без лучей, без света, день,
Как осени ненастье...

Душа ж в порыве жарких,
Несбыточных желаний,
Ждала, искала ярких
В пути очарований...

Сменялись утра зори,
Жемчужились просторы
Под гнётом скорбной боли.
Любви искали взоры...

Душа просила сказок
Волшебно-неповторных...
Был сон в ночи так сладок,
Средь вечных звезд узорных.

Но смолкли песни Мая
Души опустошенной,
Ведь жизни путь прошла я,
До боли обойденной!

ВСТРЕЧА

Каждый, кто должен путь жизни пройти,
Многие встречи имеет в пути...
Словно луч солнца сияют одни,
Зорь трепетанье в них, ночи огни.
Встречи есть злые до боли, до слез,
В них погребенья напевы для грез...
Только одна из всех встреч дорога,
Та, что взволнует вам душу до дна...
Сказкой весеннею боль усыпит,
Лунной сонатой в тиши зазвучит...
Яркой зарницей прорежет лазурь,
Песней любви усыпит среди бурь!
Встречу вы эту всё будете ждать,
Только о ней без конца тосковать!..

РАЗЛУКИ ЧАС

При первой встрече, помню, вьюга злилась,
Взлетая снег, казалось, звонко пел:
«Весь мир я в нити жемчуга одел,
Где я прошел, там даль вся заискрилась...»

И в этот миг «Мечта любви» родилась,
И взор в ответ призывно нам горел,
Огнем лучистым сердце мое грел,
Вуалью мглистой даль от нас прикрылась...

Но сказка снежная лишь раз приснилась,
Свет красоты с закатом догорел,
Он смял цветы... Я с грезой распростилась.

Без слез, без слов к устам его склонилась,
Он удержать не смог и не посмел...
И в час разлуки снова вьюга злилась...

* * *

Я в ночь кричу, но нет ответа,
Я звездам пламенно молюсь.
Я жду любви, ищу привета,
К тебе душой и телом рвусь.
Ты в даль ушел... В ширь голубую,
Ты с бурей мыслею паришь,
Ты в сказку вплел нить кружевную,
За грань ушедших снов манишь.
О, если б я взлететь сумела,
Туда, где ты, где синь, простор!
Там свет иной бы я узрела,
Потух в очах навек укор!

МОЯ ПЕСНЯ

Тихо ночь опустилась
И заснула заря,
Вся росой окропилась
Над обрывом трава...

Заиграла над гладью
Безмятежно волна,
И подернулась сталью
Засыпая струя...

Тихо месяц двурогий
В синем небе поник,
И певец одинокий
Беспричинно затих...

К — С. В. Д.

Я сохранила образ твой,
Твой в поцелуе зов признанье,
Ты путеводной был звездой,
Оставив мне в удел — страданье...
Твой смех ломался, как хрусталь,
Манил и звал в ширь за собою,
Но взор был холоден, как сталь,
Пугал он скрытою грозою.
Зовя, маня, ты лишь терзал
Насмешкой деланной, избитой,
Ты говорил, что лишь играл,
А чем? Любовью ль своей скрытой?

* * *

То смех был сильный, гордый, властный,
Беспечный, горький, едкий, страстный,
Неповторяемый — один.

Всегда искрясь, как луч весенний,
Скрывая горечь бурь осенних,
Кровь леденил, как холод льдин...

Кто раз слыхал его, тот знает,
О чем зимой метель рыдает,
Какую тайну ночь хранит.

В даль за собой он призывает,
В нем отсвет зорь былых сияет,
Любви осколок в нем горит!

ЭКСПРОМТ

Лепестки белоснежной сирени
Тихо, тихо на землю летят...
И в объятиях неги и лени
Цветы хрупкие, нежные спят.

Буря плачет, смеется и воет,
Сыплет белою сказкою грез,
И сирень обнаженная стонет
Под печальные скрипы берез...

Так и сердце надбитое плачет,
А ведь радость когда-то была...
Ропот тихий в себе оно прячет
Почему не весна суждена?

СПРАВЛЯЛ ПИР . . .

Справлял пир страсти и дурмана,
Безумец рыцарь — сэр Дуран,
И среди лести, лжи, обмана,
Был легок, гибок его стан.
Он пировал . . . Сверкали свечи,
Вино искрилось, губы жгло,
Смешались песни, смех и речи,
Летело время, время шло . . .
Цветы измятые шептались,
Бледнели лики юных дев,
А поцелую раздавались,
Как песни страждущей напев . . .
Так девы юные толпою,
Пред ним склонялись, как тростник,
А он играл лишь их судьбою,
И был бесстрастен его лик . . .
Он хохотал безумно, страстно,
Но мнилось будто он рыдал,
Вдруг взгляд рабыни жестко, властно
Безумный смех его прервал.
Он посмотрел . . . Она рукою
Дала понять, что хочет петь,
И пред затихшею толпою
Его вдруг облик стал бледнеть . . .
И понеслась ввысь песня страстно
Из уст рабыни молодой,
И даль иная гордо, властно
Пред ним предстала — новизной.
И понял он свой гнет душевный,
Неверно-лживый жизни путь,
Ненужность ласки повседневной,
Минутной страсти яд и жуть . . .
И жгучей мукой преисполнен
Он осознал, что не любил,
И как палач к себе невольный
Он Красоту Любви убил!

ЭКСПРОМТ

Кто-то, в восторге земных наслаждений,
«Счастье»!, — воскликнул. Затих.
  Кто-то, в порыве бессильных исканий,
  Обнял «Мечту», — и поник...
Кто-то «За слабых, — вскричал, — отомщенье!»
Честно боролся... Погиб.
  Кто-то, под тяжестью мук изнывая,
«Гибну!» — шептал... Стал велик.

***

Любил ли в сумрак ты вечерний
Смотреть в пылающий камин?
И знать, что в этот час осенний
Ты с тайной мыслею один...

Пусть ветер злой шумит и воет
Средь елей, сосен и берез,
Любовь в тот миг тебе откроет
Чертог былых, ушедших грез...

Повеет вешним ароматом,
Звон угольков напомнит звук,
Как с тихим пламенным закатом
Ты услыхал: «Прости мой друг!»

И вспомнишь ты, как целовала
Она горячие уста,
Как жизни вьюга сны умчала
И в сердце въелась — *пустота*...

К ЧЕМУ ЖЕЛАТЬ...

К чему желать весеннего привета,
Когда в душе безмолвье пустоты?..
Ведь сны ушли и в сумрак даль одета,
А в чувствах нет уж прежней остроты.

В устах сомкнутых, нет на зов ответа,
Угас порыв... Рассеялись мечты...
Не видят очи радужного света,
Лишь горечь в сердце, мёртвые цветы...

Ведь «Счастья песня» сорвана, не спета,
Слова любви мне чужды и пусты,
Душа не ждет лучистого рассвета...

А ведь была ж она весной согрета,
И ей дарили аромат цветы...
Так почему же песня не допета?

К — С. В. Д.

Твой профиль гордый и чеканный,
Со взглядом умных, зорких глаз,
Мне близок, дорог долгожданный,
    Для нас во тьме звезда зажглась...

В изгибе губ сомкнутых горько,
Прочла я скорбь твоей души,
В надлома миг, шепни мне только
    И я приду к тебе в тиши.

Познали горечь мы страданья,
Но мыслью в Горней высоте,
Палящих дум очарованье
    Нам близки в взлета быстроте.

Лишь миг на жизненной дороге
Судьба столкнула нас с тобой;
Но нет теперь в душе тревоги
    Навек мы спаяны с тобой!

К — С. В. Д.

Он был осенней бурею рожден,
Его качали вьюги в колыбели,
Покровы ткали снежные метели,
    Он в искрах льдин зимою был крещен.

Она, как рос жемчужных перезвон,
Как ласковый и нежный звук свирели,
Как сказка, что в лесу нам шепчут ели,
    К нему пришла, как тихий вешний сон.

И слились души их, как два созвездья,
Над ними свод небес был чист и синь,
Но день спешил жестокого возмездья.

И он пришел! . . Страданий тяжких грозди
Пришлось сбирать им с жизненных твердынь . . .
Им в «Крест Страстей» Судьба вбивала гвозди . . .

ТЫ ГОВОРИШЬ . . .

Ты говоришь, что ночь сгубила,
Что тьма повисла надо мной,
Что свет я солнца позабыла,
Простившись с розовой зарей.
    Что песне стонов лишь внимаю,
    Да сказкой прошлого живу,
    Что слезы я с тоской роняю,
    И тщетно призраки зову . . .
Ты прав, сильна власть тьмы и ночи,
Бесстрастен, страшен мрака лик,
Что глубже стали режут очи,
И в вечность мчится каждый миг.
    Одно забыл ты, — ночь чарует
    Лишь до рассвета в тишине,
    Что красота нас зорь врачует,
    Поет о ласке и тепле.

НЕ ГОВОРИ ЧТО...

Не говори, что ночь сгубила,
Что чары песен унесла,
Что веру в счастие убила,
Лишь тьму и холод принесла.
    Нет, ночь нас властною рукою
    Влечет за грани бытия,
    И мерно, твердою стопою,
    Выводит в даль из забытья.
Лишь только ночью в снах и грезах
Мы полной жизнею живем,
Ведь мы в росинках, ночи слезах,
Все скорби мира познаем.
    Мечтать о зорях ночь нас учит,
    Мерцанье звезд нам ворожит...
    И если нас сомненье мучит, —
    Ночь приласкает, усыпит!

К — С. В. Д.

Ты говоришь, что сны не снятся,
Что в сердце сказка умерла,
Что мысли черные роятся,
    Что ночь пришла и с нею мгла.

Скажи, весенней зорькой ясной
Приснился сон тебе хоть раз?
И с соловьиной песней страстной
    Надежда в сердце ль не зажглась?

Быть может трепетной зарницей
Ты ослеплен был раз в тиши?
Припомни, не был ли жар-птицей
    Ты околдован раз в глуши?

И если так, то сны златые
Тебе приснятся на заре,
И снова дали голубые
    Узреешь в лунном серебре!

О НЕМ

Его манит дубравы темной
Таинственный и мрачный мир...
И шёпот ветра страстный, томный,
И ворона кровавый пир.
    Влечет его деревьев лепет,
    Фиалок тонкий аромат,
    И васильков веселых трепет,
    И солнца блещущий закат...
Он ночи любит голубые,
И звезд мерцающих огни...
Он любит руки восковые,
И очи полные тоски.
    Он весь уходит в тьму ночную,
    Он бури радостно зовет,
    И вместе с ими удалую,
    Безумья песенку поет...
Он рысь с холодыми глазами
Готов обнять и с ней играть,
Он может жаркими устами
Цветы измятые лобзать...
    Готов он в бездну роковую,
    Больного, слабого столкнуть,
    Иль лаской жертву молодую
    Вновь к жизни, радости вернуть.
С туманной далью может слиться,
Иль как нарцисс в тиши вздыхать,
Он может проклинать, молиться,
Иль как безумец хохотать.
    Он в моря синюю пучину
    Готов уйти и там уснуть...
    Он может жизни паутину
    Презренья жестом отряхнуть!

К — С. В. Д.

Ты тот, кого в тиши
Я вечно призываю,
Ты тот, о ком в глуши
Скорблю я и мечтаю.
  Мы встретились на миг,
  Но этот миг был — вечность,
  Ты был, как долг, велик,
  Ты был весь — человечность.
Как яркий метеор
Средь сини золотистой,
Ты осветил простор
Душой своей искристой.
  Волшебно вспыхнул свет,
  Стоцветно заискрился,
Любви твоей отсвет
  И в звездах отразился!

ГДЕ ТЫ

Где ты? Ответь! Молю тебя я!
Надеюсь жив... Так страшно, если нет...
Ведь знаешь, что любя зову я
Хоть в вечность кануло так много лет...
  Лета и годы не смогли
  Стереть того, что рок раз начертал.
  Что сожжены все корабли,
  И налетев всё смял девятый вал...
И всё ж, как тихая звезда
Любовь сияя в сумраке ночном
Где б не был ты, везде, всегда
Поёт в тиши о счастии былом...

К — С. В. Д.

Сохранил ли ты зов в поцелуе моем?
Позабыл ли взгляд полный печали?
Иль быть может сожженный тоскою огнем,
Ты ушел в синебликие дали?

Понял ли мою радость весенних тех встреч?
Знал ли горечь тяжелых сомнений?
И заметил ли искру, что смог ты возжеч
В моем сердце для новых стремлений?

Радость жизни, ты мысли мои обновил,
Дал познать чистоту вечной грезы,
С красотою, с мечтою меня породнил,
Научил ты ценить сердца слезы...

Словно чашу живительной влаги поднес,
Ты к устам моим в жизни пустыни,
Почему же в тот миг, словно меч ты занес,
Над главою покорной рабыни?..

Погубить ты в тот миг не хотел, пожалел,
Молодой, показалась, бессильной,
И как ветер свободный ты вдаль улетел
И повис надо мной мрак могильный...

Так ответь же теперь — почему не убил
Во мне жажду бесплодных стремлений?..
Иль быть может — бессильный ты так же сгубил
Радость жизни под гнетом сомнений?

ЭКСПРОМТ

Тот, кто мечту творит в том радость,
  В том счастье чувства Бытия.
Тот сновидений знает сладость,
  Тот грань провел меж — Ты и Я.

Тот, кто купаясь в искрах звездных,
  Познал чаровность вешних снов,
Тот не страшится вихрей грозных,
  В том пламя огненных костров.

**
*

К любви раз чаше я прильнула,
Устами жаркими в тиши,
Но горечь жизни их сомкнула,
И замер стон моей души . . .

Иду одна без слов и силы,
Мой путь далек, мой путь тернист . . .
Вдали мерцает крест могилы,
Вокруг же вечер сер и мглист . . .

Хочу искать, хочу молиться,
Кому? . . Не призрачным мечтам . . .
О, если б вечным сном забыться,
Уйти в лазурь, в ширь, к небесам!

ЛЮБОВЬ

Любовь — мираж. Дурман весенней сказки,
Любовь — мечта . . . Сон ярко-золотой.
В ней радость встречи, тайна первой ласки,
Зарниц огни средь ночи голубой . . .

Манит она призывом тайной маски,
Вольна, сильна, как песня над рекой,
Листвы осенней в ней безумство пляски,
В ней ветра стоны зимнею порой . . .

Ее огни, созвучья, песни, краски,
То — бред души овеянной мечтой,
То — мир красот под волшебством повязки . . .

Страшись, не жди златого сна развязки,
Любовь твори ты пламеной душой,
Она и Ты — творцы весенней сказки!

* *
*

Любовь, как четкая зарница
Осветит темные поля,
И улетит в простор, как птица,
Печалью сердце опаля...

Иван царевич раз жар-птицы
Перо горящее украл...
За то он в жизненной темнице
Душою долго изнывал...

Познал ли он, что вечный пламень
Любви в созвездьях отражен?
Что метеор, упав, — лишь камень.
Любви ж обитель — небосклон!

ОБРЫВКИ МЫСЛЕЙ...

Обрывки мыслей позабытых,
Всплывают, и уходят вновь,
Обломки дел, веками смытых,
Гласят: там слезы, пот и кровь...

Аккорды сорванных мелодий
Терзают плача в тишине,
Изломы жизненных пародий
Всплывают, словно в полусне.

Изгибы радужных мечтаний,
Цепь непрерывную куют,
И вздохи тяжкие страданий
Глухую ночь, мглу стерегут.

Уходят в вечность дни и ночи,
Уходят мысли, сны, любовь...
Чего-то ищут во тьме очи,
Уходят — чтоб начать всё вновь.

* * *

Раз ночь пришла зарницами сверкая,
Печалью рос над степью изошла,
Змеистою спиралью ввысь ушла,
И скрылась в лес, над соснами пылая...

Мечтой крылатой, гибкой опьяняя,
Мне светлой искрой в сердце снизошла,
И кубок страсти хмельный подала,
Его пила смеясь я и рыдая...

О, эта ночь! Огнивость над станицей!
О, белых яблонь терпкий аромат,
Ужели ж бурь не пощадит вас град?

И счастья миг пугливой синей птицей
Сверкнет, блеснет как радужный каскад
И ослепив, померкнек как закат.

КАК ЧАСТО МЫ...

Как часто мы, закрыв устало очи,
Духовным взором вдаль с тоской глядим,
В огне сознанья тлеем и горим,
В тот миг близки, понятны вздохи ночи...

Года бегут и счастья сны короче,
Мы в море синих льдистых звезд парим,
С лучем закатным вглубь времен скользим,
Навстречу зорь грядущей полуночи...

В тиши дерзки узоры сновидений,
Открыт мечты сияющий чертог,
В нем радость новых, звонких песнопений...

В минуты взлета, искренних молений,
Извечное нам близко слово — БОГ,
В тот миг с души спадает гнет сомнений.

ЧЕРТОГ СУДЬБЫ

Чертог Судьбы — чертог всезнанья.
К нему путь — Тайною закрыт . . .
Он полон жуткого молчанья,
В нем мысли вечной свет горит . . .

Непреломленный луч сверкает
Средь вечной тьмы, как меч златой,
Он — *Тайны* лик отображает,
Сжигая жгучей остротой . . .

Нет слов здесь, песен, нет здесь звона . . .
Здесь — *Тишь* безмолвием страшит.
Лишь с силой *Высшего Закона* —
«Да будет!» — пламенно звучит!

ХОЧУ МЕЛОДИЙ . . .

Хочу мелодий, звуков я,
Что тишь ночную оживляют,
Играя, плача и звеня
Они поют, зовут, рыдают . . .

Аккордом мощным прозвучав,
Помогут нам забыть морозы,
От жизни сутолки умчав,
Внесут с собою смех и грезы.

В аккордах сорванных найду
Обрывки снов и упований,
Их, словно жемчуг, соберу,
Волью в симфонию рыданий.

И песню чудную свою,
Рыданий песню, песню горя
Лучем *Надежды* озарю —
Что силен тот — в ком дух и воля!

ВОСТОК АЛЕЛ . . .

Восток алел . . . Синь в золоте купалась . . .
Лучистый дождь над пашнею звенел,
В волнах ковыли ветер шелестел,
Заря с весной над степью целовалась.

От зимних снов даль тихо пробуждалась,
Рой облаков в простор небес летел,
Над сонною рекой костер горел,
Пастушья песня с утром расширялась . . .

И в дымке снов весна в окно стучалась,
Луч солнца первой нежной лаской грел,
И даль звала, манила и смеялась.

С зари лучом любовь ко мне подкралась,
Я с ней пошла за радужный предел . . .
Но синь мечтой, миражем оказалась . . .

ПО ПРОСЬБЕ НИНЫ Л.

Взгляни опять! И вновь взор твой
Прочтет в очах моих признанье,
Что я измучен, пьян тобой,
Что полон страсти и желанья.

Налив бокал, испей до дна!
Будь осязаемой мечтою!..
Зову тебя. Лишь ты одна
Всегда, везде передо мною . . .

Отбрось рассудка властный зов,
Он лжет! Он чувства твои губит!
Стряхни ненужный гнет оков,
Живет, знай, тот — кто смел и любит!

ГОВОРЯТ...

Говорят, что взглядом можно
Рассказать нам сказку снов,
И так тихо, осторожно
Передать всю нежность слов...

Говорят: во взорах слышен
Тихий сердца разговор,
Что во взоре четко виден
Наш духовный кругозор.

Говорят: что взор чарует,
Взор волнует, ворожит,
Что ласкает он, целует,
Страстью скрытою манит...

Есть поверье — взгляд пронзает
Глубже стали и меча,
Что горит, порой пылает,
Словно вечная свеча.

И что взгляд порой бывает
Холодней, чем смерти зов,
Но никто, никто не знает
Силу взгляда, мощь оков.

И с беспечностью во взоре
Снова ищем новый взгляд...
Так скажу — обман в нем, горе,
В нем страданий смертный яд.

ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА

Я в мир пришла, тобою порожденной,
Ты детства путь любовью осветил,
И светом знания благословил,
И даль открыл с надеждой затаенной.

Своей душой, печалью опаленной,
Меня к истокам света приобщил,
Сочувствие к скорбящим пробудил,
К высотам звал молитвой вознесенной.

Тепер вдали, окинув путь пройденный,
И вижу свет стремлений, чем ты жил,
Порывом к благу, верой окрыленный.

Ты весь во мне, как луч отображенный,
Стремлюсь я ввысь в порыве юных сил . . .
Да воссияет свет, тобой зажженный!

НАМ ПО СТУПЕНЯМ . . .

Нам по ступеням храма неземного
Указан путь к надзвездной высоте;
Но тени мрачные и сны былого
Путь к вечной затемняют Красоте . . .
    Вдали пред нами свет горит нездешний
    Миров далеких в сумраке веков . . .
    Нас зов любви манит, чарует вешний,
    В простор мечты уносят крылья снов . . .
Земная радость пестрой мишурою
Слепит наш взор, сковав в лазурь полет,
Все ж дух стремится искрою живою
В безбрежность, в синь, за вечной Красотою,
Туда, где ширь, где к звездам ярким взлёт,
Где свет горит над чашею святою!

ДВЕ ЧАШИ

Судьбы веленью покорясь,
Две чаши в «Храм» снести спешила,
Рабыня юная склонясь,
Боясь, чтоб чаша не разбилась . . .

Пустынен путь был, каменист,
Так тело хрупкое изныло,
А путь далек был, сер и мглист,
Вокруг все мрачно и уныло . . .

Из злата чаши были те,
Любовъ и Долг их заполняли:
Два равных дара красоте
В ее руках во тьме мерцали.

Одна, без сил, без слов, во тьме,
Лишь с ношей тяжкой, драгоценной,
Отдавшись призрачной мечте,
Искала «Храм» с тоской безмерной.

О, если б ей была дана
Одна лишь чаша в храм заветный,
Хоть до краев была полна
Любви бы влагой искрометной,

Тогда б к престолу, в «Храм судьбы»,
Она пришла в венце познанья,
И пала б ниц, полна мольбы,
Сама — Любовь и Упованье!

ВЕЧЕР

Золотились листья, в синеве купались,
И в лучах закатных с ветром целовались.
С озера тянуло влагой и прохладой,
Догорало солнце красною лампадой...
    Вечер шел из дали, ласковый и нежный,
    И повсюду веял шёпот безмятежный,
    Окропились нивы свежею росою,
    И с полей пахнуло скошенной травою...
И поник двурогий месяц над землею,
Поднялись туманы тихо над водою,
И потух последний солнца луч прощальный,
Ночь склонила лик свой, бледный и овальный...

ДЛЯ Н. Л.

(По ее просьбе)

Я хочу в эту ночь зацелованной быть.
Хочу ласк в блеске лунного света.
Страсти кубок с тобою хочу я испить,
Чтоб любить и мечтать до рассвета...

Я хочу твоих взоров познать глубину,
Жду я музыки страстных признаний,
В твою душу до дна жадно я загляну,
Поцелуем смягчу гнет желаний...

Я хочу страсти счастьем тебя опьянить,
Ведь любовь — то дурман сказки вечной,
Жажду «Вечной любви» я хочу усыпить,
От тоски раз забыться сердечной...

КРАСНЫЕ ТУФЕЛЬКИ

В гостиной я с тобой сидел,
Горел камин... Свистел, шумел
Холодный ветер за окном
Зеркальным дребезжа стеклом...

Дрожали пальм стройных тени,
В камине угольки краснели,
То змейками вдруг извивались,
То серым пеплом покрывались.

На шкуре, брошенной ковром,
Медведя белого, вдвоем,
С тобой сидели мы и грелись,
От жара твои щечки рделись.

Ты ножкой в красненькой туфле,
Играла головой медведя,
И было хорошо в тепле
Нам, в белой пышной шкуре зверя.

Стихи читали мы с тобою,
Волшебной, дивною струею,
Переливались, они пели,
Как струны нежные звенели.

А там, вдали, метель шумела,
В окно стучаться к нам не смела...
Вокруг нас тени угасали...
Нарциссы тихо умирали...

ЖЕРТВА

(1-й вариант)

Лучом зари освещена
Пред сборищем жрецов суровых,
Стояла юная раба
В одеждах белых, чистых, скромных...
    За нею шумная толпа
    Ждала «Его» — царя, владыки,
    И буйной радостью полна,
    Вдали узрев, склонила лики...
Да, «Он» пришел и юн, и смел,
Завоеватель гордый, сильный.
Рабыню ж пленную велел
Сжечь на костре, дать пир обильный...
    Рабыня ж в этот миг с мольбой
    На победителя взглянула...
    И он поник, вдруг, головой,
    Любовь в сердца им заглянула...
Но пир пришел... Костер пылал,
В огне сгорали — юность, счастье,
Огонь невинность обнажал
С толпой в безумье сладострастья.
    И пир прошел... Потух закат...
    Царь в храм вошел с великой жертвой...
    Пьянил курильниц аромат,
    И лик манил ушедший, светлый...
Он урну с пеплом в дар принес,
Пред «Грозным» пал в изнеможеньи...
Вдруг, рану смертную нанес
Себе — как жертве искупленья.

ЖЕРТВА

(2-й вариант)

Не смел ее он мыслею касаться,
В ней хрупкость грез, мечта любви жила.
Чаровность в ней весенних снов была,
Хотел он вечно ниц пред ней склоняться . . .
Но сны златые лишь однажды снятся,
Жрецом к сожжению обречена,
Во власть толпе безумной отдана,
Она пошла с огнем костра венчаться . . .
И должен был с толпою наслаждаться
На пиршестве — всесильный фараон,
Он пил вино . . . Мог жрицам улыбаться . . .
Но вот он встал . . . К костру стал приближаться,
И лик его огнём был освещен . . .
В грудь меч вонзил! . . И пир забыл смеяться! . .

К — С. В. Д.

(С безумной тоской тянет север . . .)

Кто долгие ночи измерил печалью,
Поймет тот всю горечь страданий твоих,
И тот, кто сроднился с туманною далью,
Оценит всю силу рыданий глухих . . .

Чьи очи смотрели с тоской и мольбою,
Ответа во взорах тот будет искать,
Кто пережил страсть раз с весенней грозою
Осенних тот бурь будет трепетно ждать . . .

Тот с снежною пылью захочет умчаться,
В безбрежное, белое поле зимы,
Чтоб вечному сну и забвенью предаться,
Забыв о далеком призыве весны . . .

* * *

Не в смерти ужас — мрака, тленья,
А в том, что в жизни — яд сомненья!

Посвящается С. В. Д.

Уйти, чтоб не вернуться вновь,
Придти, чтоб рваться вновь обратно,
Любить, чтоб заглушить любовь,
Молить, шепча слова невнятно...
  К чему противоречий рой?
  Что так сроднило смех и слезы?
  Зачем погоня за мечтой,
  Когда разбиты сны и грезы?..
Уйти, забыть былой порыв.
Нет сил, нет мысли и желанья...
Да, к прошлому не смолк призыв,
Не стихли жгучие страданья!..

ЗИМА

Вся обвеяна снегами,
Тихо вдаль скользишь звеня,
Среброкудрыми волнами,
Как бриллиантами горя!

Над равниной грустно реешь,
И скользишь по кручам скал,
Снежной пылью с неба веешь,
С белых, ярких покрывал...

И скользишь ты дальше, выше,
Заметая вихрем путь,
Песни радости все глуше,
Ты сумела их спугнуть.

Леденя холодной кровью,
Ты бесстрастна, как луна,
Надрываешь сердце болью
Среброснежная зима.

ИЛИ ТЕПЕРЬ, ИЛЬ — *НИКОГДА*

Приходит день осенний пестрый,
В душе и радость, и тоска,
Луч солнца нежный, светлый, острый,
Звенит и шепчет: *«Никогда!»*

Приходи день сверканья полный,
Искристый, многозвучный день,
Летят снежинки напевая:
«Отбрось сомнений ложных тень».

И слыша их напев желанный,
Иду навстречу вьюг, огня,
Биенье сердца так сказало:
«Или теперь, иль — *Никогда!*»

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Я жду весны благоуханья,
Жду перезвона ручейков,
Жду ветра легкого лобзанья,
И в поле легких мотыльков.

Хочу я света, красок, пенья,
Улыбок, взглядов властный зов,
Чтоб свод небес был весь — горенье,
Чтоб песни пело все без слов . . .

Я верю, луч сверкнет над далью,
Светило вечное взойдет,
И под искристою вуалью,
Весна врачуя снизойдет!

ВЕСНА

Весна царит в дубраве темной,
Весна струит свой мягкий свет,
И веет всюду лаской скромной,
Улыбки дарит и привет.

Царит она в степи безмолвной,
В сияньи солнечном горит,
Рукою щедрой, благотворной,
Цветами пёстрыми дарит.

Она поет в лазури ясной,
Звенит и плещет в ручейках,
И в соловьиной песне гласной,
И в ясных, голубых очах.

Весна в лазури утопая,
Всё пробуждает и живит,
И словно девушка, сгорая,
Румянцем скромности горит!

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

(1-й вариант).

День настал хмельной и пряный,
Жаркий, светлый, летний день.
С ветром льется дух медвянный,
Всюду блики, свет и тень.

Глаза слепнут в море искр,
Тонут в радужных тонах,
И от жгучих лучей игл
Дождь лучистый на полях...

Рожь сверкает янтарями,
Васильки, что сонмы грез,
Манят синими очами,
Море света, море звезд!..

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

(2-й вариант)

День горит хмельной и пряный.
Жаркий, светлый, летний день.
С полей льется дух медвянный,
Всюду блики, свет и тень.

Зной над далью раскаленной,
В звездной россыпи ручей,
Пожелтел камыш склоненный,
Над водою смех детей...

Пчелы кружат над цветами,
Васильки средь ржи густой
Манят синими очами,
Море света... Ширь... Покой...

Я иду в даль голубую,
В ширь раздольную полей,
Чтоб тоску развеять злую,
И бессонницу ночную,
В жарком золоте лучей!

ОСЕНЬ

Я люблю тебя пестрая осень,
Мне так дорог твой красный закат,
Солнца луч на стволах стройных сосен,
Увядающих трав аромат...

Я люблю твоих бурь завыванье,
Туч лиловых широкий размах,
Листопада златого шуршанье,
Всплески рыбок в затихших прудах...

Жемчуг рос на цветах и березах,
Звезд осенних печальный призыв,
Грусть души о несбывшихся грезах,
Ввысь и к свету безмолвный порыв...

Все проникнуто тайной смиренья,
Беспределен зовущий простор...
Осень дáрит нам миг просветленья,
Расширяет души кругозор.

ОСЕНЬ

Скоро осень лучистая, знаю, придет,
    Золотистая, милая осень...
Тихо с нею тоска о былом запоет,
    Среди елей, меж иглистых сосен...

И улыбки последних, предсмертных лучей,
    Приласкают, растают с закатом,
И потянет со скошенных тихих полей
    Увядающих трав ароматом...

Я пойду в огневую, стоцветную даль,
    Пройду тихой, уснувшей долиной,
Там о прошлом проснется немая печаль,
    Промелькнет золотой паутиной...

Знаю, лето пьянило... О, лето звало
    К жгучим, радужным, юным желаньям,
Все миражем пустыни палящей ушло,
    Я готова к предсмертным страданьям.

Лишь с тобою, о осень, хочу умереть, —
    Ведь с тобой пережит весь зной лета...
И в закате червонном с тобой догореть, —
    Чтоб — весне дать все краски расцвета!

ОСЕННИЕ МЫСЛИ

Осенних красок я люблю узоры,
Вечерних зорь лиловый полусвет,
Полей и нив широкие просторы,
И неба бледного вверху просвет...
    Рябины гроздья над моим забором,
    Опавших листьев трепетный ковер,
    Серп месяца над спящим тёмным бором,
    Березок нежных кружевной убор...
Ведь — *осень* — это странница в просторах,
Придет, нашепчет сказки о былом...
Зажжет слезинок искры в скорбных взорах,
Уйдет... И грусть охватит о былом...

Посвящается Вл. Т.

Раз сказке чудной я внимала
Средь белых яблонь и берез,
Ей скрипка вторила, рыдала,
Был вечер полон светлых грёз...
  Но буря яблонь цвет сорвала...
  Не слышен скрипки страстный зов...
  О прошлом сердце тосковало...
  Душа рвалась ввысь из оков...

ОСЕНЬ

Одев кокошник пестро-золотистый,
С плеч обронив пурпурный свой наряд,
В ширь устремив холодно-гордый взгляд,
  Скользила осень среди дали мглистой...

Вуалью тонкой, легкой и сквозистой,
Казался пестрый, радужный наряд...
Листвы златой шумел за ней каскад
  Путь отмечая россыпью огнистой...

Мерцая сказкой лунно-серебристой,
Она в ночи́ скользила средь громад
Туч сине-черных с молнией огнистой...

Извечной жрицею тоски змеистой
Она свершала тайный свой обряд,
Чтоб к смерти приобщить — природу чистой

ОСЕНЬ ПОЮЩАЯ...

Осень поющая, осень звенящая,
  Осень, как дымка, как сон...
Осень в ветвях кружевных шелестящая,
  Осень, как песенный тон.

Ты вся поешь, вся звенишь и вся искришься
  Жемчугом рос и дождем.
В утро холодное искрами светишься,
  Ночью пылаешь огнем.

Тихой печалью чаруешь ответною,
  Сказкой о прошлом манишь,
Ты вся разубрана тканью стоцветною,
  Пурпуром, златом слепишь.

Я тебя жду, лишь в тебе отрезвление,
  Вдумчивость, грусть и мольбы...
Ты — как в предсмертный час— миг просветления
  Ты — покаянья псалмы...

ОСЕНЬ

Чарует осень яркой пестротой,
Ковром полей, долин и рощ узорным,
В лесу стволом пугает строго-черным, —
  Улыбок смертных режет остротой...

Шумит листва, пылает лес златой,
Скользит в вершинах луч огнем дозорным,
И вдаль скользит со звоном неповторным,
  Чтоб возродиться новою весной...

Повсюду тишь... Червонное свеченье,
Да света, теней легкая игра,
  Прощальной мысли вечное горенье...

Цветов склоненных так понятно пенье,
Пронзит их сердце инея игла...
  Умрут, заснут... Но ждет их вновь цветенье!..

ЧЬЕ СЕРДЦЕ . . .

Чье сердце, как родник живой,
Чьи мысли, как поток весной,
Тот не боится, не молчит.

Ища, томясь он рвется в даль,
В нем мира скорбь, его печаль,
Он в час урочный постучит.

Лишь он отмеченный судьбою,
Хоть торною пройдет тропою,
Во тьме оставит вечный свет.

Лишь он нам жизни путь укажет,
Он людям Правду смело скажет,
Высоких дум зажжет тот свет!

* *
*

Отчего в эту ночь ты с тоскою глядишь
На открытые писем страницы?
И очами духовными жадно следишь
За полётом мечты — синей птицы.

Что ты шепчешь? О чем с сердцем ты говоришь?
Отчего пред тобой лик черницы?
Скорбно сжаты уста, ты рыдаешь, не спишь,
За окном же пылают зарницы . . .

В этот час ты за грани былого скользишь,
Вновь во власти любви ты — «Жар-птицы» . . .
Пред поруганной, встав на колени, скорбишь,
Как скорбим мы припав к — *Плащанице* . . .

ПОСЛЕДНЯЯ ЧАША

Словно сон безмятежный и яркий,
Моя юность куда-то ушла...
И как день летний, солнечный, жаркий,
Моя пылкая страсть замерла.
    Вереницею бледною теней,
    Тихо пасмурность дней подошла,
    Не цветами, а ветками елей
    Путь последний судьба убрала...
Словно инея звездною пылью,
Мои кудри покрылись, зажглись,
И как ветер в степи над ковылью
Мне шепнула Судьба: «Покорись!»
    Заглушив в себе юные грезы
    Я последнюю чашу возьму...
    Знаю — Смерть в ней, яд жизни, в ней слезы...
    Все ж, как в юность, ее осушу!

КОГДА ЦВЕТОК ЛЮБВИ...

(1-й вариант)

Когда цветок — любви беспечность,
Откроет первый лепесток,
Тогда луч солнца в бесконечность
    Шлет света нового росток.

И вспыхнет свет над темной бездной,
Волною огненной взрастет.
И вновь с небес и глуби звездной,
    Любовью вечной к нам сойдет.

Любовь есть жизнь. Любовь — основа,
Звено слиянья — Ты и Я,
Ткань непрерывного покрова
    Великой тайны Бытия.

КОГДА ЦВЕТОК ЛЮБВИ...

(2-й вариант)

Когда цветок любви беспечно,
Откроет первый лепесток,
Тогда луч яркий в бесконечность
Пошлет отсвет свой на восток.

Созвездье вспыхнет в сини звездной,
Огнем серебряным сверкнет,
Из сини, только сини звездной,
Любви огонь к нам низойдет!

Любовь не звук. Любовь основа.
Звено меж гранью Ты и Я.
Она срывает ткань покрова
Великой тайны Бытия!

* * *

От сосен шел чуть слышный перезвон,
И пела тишь тонами призывными,
Был лес объят огнями золотыми,
И реял вкруг предвечный тихий сон.

Росой умытый улыбался клен,
Шумел и пел ветвями кружевными,
Весь трепетал он листьями витыми,
И был, казалось, светом упоен...

О, неба синь! О, солнце золотое!
О, только в вас забвение от бурь,
И ввысь порыв, стремление мирое!

Весь мир, как свет, как море огневое,
Как в вечность путь — безмерна так лазурь,
И слово — *Бог* — в тот миг душе родное!

**
*

Ночь лунным оком зорко вдаль смотрела,
Поникла тихо, скорбно над землей,
Ширь обняла незримою рукой,
    И с тишью песни тайные запела...

Роса в полях сверкала и горела,
Скользили тени мрачно над землей,
Лес задремал, затрепетал листвой,
    Степь ожила... Синь нежно зазвенела...

Туман взвился спиралью светло-тонкой,
Зажглись вокруг призывно светлячки,
Кузнечики пьянили трелью звонкой.

Заснул зайчишка под иглистой елкой,
Смежила ночь усталые зрачки,
И мир затих трудолюбивой пчелкой...

ЗАРНИЦЫ

Зарницы летние прекрасны,
Они манят; но тем опасны,
    Что ослепляеют, не горя.

Огнем сверкнув над темной далью,
Златой умчатся ввысь спиралью,
    Печалью сердце опаля.

Обманчивы, как зов в пустыне,
Как метеоры гаснут в сини —
    Не возродят нас никогда.

И нет в них молний грозной силы,
В них холод вечных снов могилы,
    Незрелой мысли пустота.

Бледны пред солнечным рассветом,
Им не сравняться с вечным светом
    Того, чье имя — *Красота.*

Посвящается С. К. П.

Я вас не знаю, не встречала,
Но сердцу чем-то вы близки,
Хоть далеки . . . Миль не считала,
Полеты мысли так легки!
  Мой каждый шаг, поступок, слово,
  Как будто взвешен на весах
  При свете глаз смотрящих строго
  Туда, — где вечности размах . . .

УЛЫБКИ УСТ

Улыбки уст разнообразны.
Одни манят . . . Они опасны
Для тех, кто верою горя
Им отвечает долгой лаской,
Живет лишь ими, словно сказкой,
  Пока угаснет, как заря . . .

В иных обвеянных мечтами,
Как белоснежными крылами,
Мы чистой мысли видим след . . .
Любуясь яркими тонами,
Их лучезарностью, их снами,
  Огней далеких ищем свет . . .

Но есть улыбки скорбной дали,
В них затаенный вздох печали,
Они пугают, больно жгут,
И тот, кто горечь их познает,
Поймет, что греза угасает,
  Что нас страданья стерегут.

КАК ГРОМ, КАК ДОЖДЬ...

Как гром, как дождь всенний освежает
Поникшие от знойных чар цветы,
Так остро-яркие любви мечты
Ответный взор чарует и ласкает.

Ты весь поешь... Даль пред тобой сияет...
Ты ищешь «Храм» предвечной красоты,
И познаешь призывность высоты,
Твой взор открыт, весь мир в себя вмещает...

Итак люби всей силою творений,
Ответ на зов, на всклик, призыв ты жди,
Лик дорогой меж новых встреч ищи...

В миг страстных, жарких искренних молений,
Алтарь любви слезами окропи,
И светом вечным «Храм» озолоти.

ТЫ УШЛА... НО ПЕЛ ТОН...

Не уходи, вернись, постой!
Сверкни багряною зарницей,
Иль песню бури мне пропой,
И взвейся легкокрылой птицей!
Люблю я блеск твоих очей,
Их глубины мне не измерить,
В них предрассветный мрак ночей,
Их лишь любить, им только верить.
Над гладью озера скользнешь
Ты, знаю, с утренним туманом,
Но вновь с призывом ты придешь
Не будут ласки те обманом.
С тобой придет познанья свет,
Ко мне из синебликой дали,
Дашь наглядеться на рассвет,
Сомнений сбросишь тяжесть стали.

НОЧИ...

Ночи голубые
  Снегом запушились,
Грезы золотые
  С звездной пылью слились...

В яркое созвездье
  Два желания свились,
Сказки неземные
  До рассвета снились...

Зори их убрали
  Жемчугом росистым,
Звезды осияли
  Светом серебристым...

ЛЕБЕДИ НА СЕВЕРЕ

(К картине К. С. Высоцкого)

Три белых птицы снежнокрылых,
Прорезав грань изжитых снов,
Отбросив гнёт сомнений лживых
Стремятся в ширь сквозистых льдов.

Летят над синью вод струистых,
В тиши, в безмолвьи вечных грез,
Купаясь в брызгах серебристых
Забытых и застывших слез...

Души порывы их взрастили,
Отсвет в них вечной красоты,
В них бури страсти не убили
Призывность властную мечты.

В них — «Таин Бытия» призывы,
Пред ними ширь, пред ними новь,
В них силы творческой порывы —
Надежда, Вера и Любовь!

ОТЧЕГО?

Отчего мои мысли так полны тобой?
И твои мне все слышаться речи?
И далекий твой образ скользит предо мной
И все жду незабвенной я встречи.

Отчего этот шум, этот ропот ветвей
Полон грусти, тоски и печали?
И тоска беспощаднее, глуше, сильней
Режет сердце, как холодом стали.

Отчего этот трепет ветвей кружевных,
Мне так близок, заманчив и дорог?
Будто ласк и объятий твоих дорогих
В нем скрывается памятный шорох.

Отчего, в этот пасмурный ветренный день,
Ты, как призрак со мной неустанно?
То блеснешь будто луч, то скользнешь словно тень,
Мне так жутко, так радостно странно...

О СЕБЕ

В этот мир я пришла незаметной,
Одинокой, с больною душой,
Но с любовью к мечте искрометной,
И с безмерной о счастье тоской...

И смешалась с толпою я шумной,
Меж безликих *Его* не нашла...
Ночью тихою, светлою, лунной,
К одинокой тропе подошла.

И пошла по тропе я безмолвной,
Чтобы Счастья найти хоть отсвет;
Но лишь в выси задумчиво-скорбной
Звезд мерцающих встретила свет!..

ПЕРЕФРАЗИРОВКА

Я хочу рассказать,
Что листва в синеве,
Мне звенела и пела
Во сне, в забытье...

Я хочу рассказать,
Что мне луч золотой
Сплел, соткал в серебре,
На заре, не во сне...

Я хочу рассказать,
Что мерцание звезд
Мне безмолвьем полно
Разгадало во тьме...

Но боюсь, что сверкающей
Дали ответ,
Здесь никто не поймет,
Не зажжется,

И в безмерной тоске,
И от ужаса тьмы,
Мое сердце навек
Разобьется!

ПРИЗЫВ

Стремись туда, где смех и песни,
Где ярких мыслей глубина...
Там новых далей — гордый вестник,
Осушишь чашу ты до дна.

Спеши! Не жди! Бери! Упейся
Свободой, ширью и вином.
И если то — мираж, посмейся
Над жизни глупым, дерзким сном!

СИЯЕТ ВЫСЬ

Сияет высь. В высотах трона,
Игрой узорчатых камней
Горит стоцветная корона
Из пестро-радужных огней.
  Льют аромат цветы средь ночи,
  Поет о вечности волна,
  Зовут в безбрежность звезды-очи,
  И чаша до краев полна.
И мы идем на праздник жизни,
Но в сердце горечь, пустота,
Со вздохом полным укоризны
Нас не приемлет *Красота*.
  И вновь темна для нас дорога,
  Зато так мрачен жизни путь, —
  Что мы в пути забыли *Бога*,
  Боялись совесть всколыхнуть.

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Снова утро умылось росою,
  Лес проснулся, встряхнулся, шумит...
Поселянин идёт за сохою,
  Дятел звонко и чётко долбит...

Пастушок на свирели играет,
  Пыль за стадом клубится вдали...
Мать сынишку блином угощает,
  На работу спешат косари.

Вот пестреет толпа у колодца, —
  Это бабы по-воду пришли...
Ребятишки глядят из оконца,
  Ваня с Машей горох принесли...

Степь проснулась над томной рекою,
  Синей дымкой поднялся туман...
Песни льются волной удалою,
  Над холмами, над тишью полян...

РОДНОЕ

Родные тихие поля,
    Уснувшие долины,
Туч золотистые края,
    И пестрые рябины...

Детишек крики на дворе,
    Корзины яблок в клети,
Дед на полатях в полусне
    Перебирает сети...

Осенний ясный вечер тих...
    Лишь благовест чуть слышен...
И месяц в синеве поник
    Над нежной вязью вишен...

БЕРЕЗКИ

Белые березки,
Стройненькие ножки,
Ночь всю танцевали,
С месяцем играли...
    Искрились сверкали,
    Жемчугом росистым,
    В мотыльков бросали
    Листиком душистым...
Всю-то ночь шумели,
В серьги разубрались...
А на утро с солнцем
Нежно целовались!..

О ЧЕМ ЗВОНИЛ КОЛОКОЛ...

Бушует море... Буй кренится,
И мерно колокол звонит...
Вновь рыбаку сон страшный снится:
Убитый брат пред ним стоит...

Как и тогда, глядит с мольбою,
А кудри русые в крови...
Вот вскрикнул он... Взмахнул рукою...
Вкруг лодки вздулись пузыри...

Идут года... Безмолвно море...
Убийцы совесть, словно спит...
Резвятся чайки на просторе...
Лишь буй проклятый всё звонит!..

***

Кто познал тоску и слезы
По отчизне дорогой,
Пережил кто жизни грозы,
Тот состарился душой.

Стар, как инок переживший
Бурю юных сил и грёз.
Он, как раб до дна испивший
Чашу горя, мук и слез...

Он, как отрок пораженный
Ядом стрел беспечных снов,
Силой Правды отрезвленный
Лживых сбросил цепь оков.

Как язычник он крещенный
Божество душой познал,
И отчизною прощенный
К алтарю ее припал...

ОРХИДЕИ

Аромат орхидей хрупких, гибких
В легкотканной парче неземной,
Веет с венчиков нежных и зыбких
  Словно ладана дым голубой...

Лепестки так причудливо свиты,
Так бледны и так странно молчат,
Словно с грезой любви они слиты,
  Или ревности мучит их яд...

Неприступною тайною веет,
Веет лаской далекой весны,
В них загадочность чувств пламенеет,
  Реют тайных надежд полусны...

И сменяются жизни метели,
Их незыблем венец чистоты.
Видно Мастер омыл их в купели
  Слез восторга и вешней росы.

ДВИЖЕНЬЕ

В движеньи сила мирозданья,
В движеньи мысли, чувств и дел,
В нем — сила, мощность созиданья,
  Всего начала в нем предел.

И свет и тень... Плывут туманы,
Года, минуты в даль бегут,
Спешат туч грозных караваны...
  И нас забвенья стерегут...

Бушуют, мчатся, плещут волны,
Веками ветры в ширь летят,
Тоски и страсти скрытой полны,
  Движенья тайный ключ хранят.

Все в жизни вечное движенье.
Порыв труда — лишь только сдвиг,
В нем тайна высшего веленья,
  И даже смерть — движенья миг.

ПУСТЫНЯ

(Атлантида)

Безмерна ширь. Нет ветра дуновенья,
Немая тишь пустыни мировой...
Слепит поток песчанно-огневой,
В нем сила ритма вечного движенья.

В первоминуту мощного творенья,
Слилась пустыня с тайной роковой,
Метет и сыплет пылью золотой,
И дерзких жжет огнем извечным мщенья...

Из века в век в порыве изумленья,
Рабы спешат к обманчивым огням,
В златую даль, к оазису забвенья...

Но ширь поёт им песни погребенья,
За упокой ночь курит фимиам...
Пустыня мстит за силу дерзновенья.

* * *

О, страсть палящая,
Ты цвет земли багряный.
Кто раз испил тебя,
Душой тот пьяный.

НАДБИТАЯ ЧАША

Пред алтарем, в сияньи лунном
Стояла чаша «Грез земли»...
В ее напитке хмельно-чудном
Был «грех» и «таинство» любви...

Но край надбит был в чаше этой,
Как капли слез лилось вино...
И словно в песне недопетой,
Терялось за звеном звено...

Прильнул ли кто в тиши устами
К ее живительным краям?
Был зачарован ли кто снами
В ней приобщась любви дарам?

Быть может раз неосторожно
Ее молящийся надбил,
И что до дна испить возможно
На землю жаждущий пролил...

***

Вдруг мне вспомнился запах рябины,
Горьковатый черемухи вкус...
Помню он посадил в именины
У балкона сиреневый куст...
  Сколько солнца, тепла, сколько света,
  Было в нашем саду над рекой...
  Сколько счастья, любви в это лето
  Я познала с тобой мой родной.
А теперь на далекой чужбине
Догорают печальные дни...
Хоть приснись же своей Коломбине,
«Не забыл»... Хоть разок ей шепни!

НЕВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Рождественская легенда

Над грешным миром в час вечерний
Был свод небес безмолвно-тих,
Лишь на востоке *«Невечерний»*
Свет показался, словно штрих,
　И вспыхнул яркою звездою,
　Огнем нездешним засиял,
　Стоцветной, пламеной зарею
　С земли к высотам призывал . . .
Как от дурмана мир проснулся,
Взор к небу поднял человек,
Великой тайны прикоснулся,
В тот незабвенный, дивный век . . .
　Великое свершилось в мире —
　Родился *Богочеловек!*
　И сонмы ангелов в эфире,
　Взлетая искрились, как снег,
　Господне чудо прославляли,
　Меж небом и землею связь,
　Христа-Младенца воспевали,
　Над грешным миром проносясь . . .
Свет в мир пришел! В грехах погрязший
Проснулся, словно, человек,
Величье Божие познавший,
Тьму заблуждения отверг,
Познал, что есть иные дали,
Духовной красоты расцвет,
Что для извечной душ печали
С высот ниспослан нам ответ . . .
　Над полем первые, в сияньи
　Звезду узрели пастухи,
　За ней пошли при звезд мерцаньи,
　Вдали пропели петухи.

Волхвы, познавшие «Скрижали
Великой Тайны Бытия»,
В священном трепете склоняли
Пред *Ним* колени, и даря
Златые слитки, ладан, мирро,
Смиренно дар несли Христу,
Поняв что время наступило
Познать извечную мечту:
Сроднится с Богом человеку,
А заблуждений долгих тьму,
Безбожных дум отбросив веху,
К *Творцу* вернуться своему...
  И каждый, кто в ту ночь на небе
  Увидел в пламени звезду,
  Забыв о сне, насущном хлебе,
  Стремился дар снести Христу.
Пастушка, девочка сиротка,
Дары те зрела от людей,
«Я нищая! — шептала кротко, —
Чем одарю Царя царей?»
Пошла тропою одинокой
В поля с поникшей головой,
И пала ниц в тоске глубокой
Пред Вифлеемскою звездой...
И слезы чистые росою
Из глаз на землю потекли,
Горячей, огненной волною
Всю душу словно обожгли...
  Всех детских грез очарованье,
  Их чистый, пламенный порыв,
  Как лучезарное сиянье
  Овеял нежный детский лик...
  Вся красота души стремлений,
  Неуловимый их полет,
  Как отзвук Горних песнопений
  Слились в один духовный взлет!
И вместо слез цветы рождались,
Цветы духовной красоты,
Лучи зари в них отражались
Высокой, пламенной мечты...
  Собрав цветы, стопою робкой
  Она к Младенцу подошла,
  И с детской, нежною улыбкой
  Цветы *Ему* те отдала...

И малые в Великом ручки
Цветов коснулися слегка,
Порозовели лепесточки,
В лучах зардевшего цветка...
    И реяло вкруг них сиянье
    Улыбки детской и Христа...
Свершалось Божье начертанье
Любви земной и Божества!

ТИХАЯ НОЧЬ

(На мотив „Stille Nacht")

Тихая ночь. Звездная ночь!
Ночь любви. Света ночь!
Яркой искрой зажегши звезду,
В мир послав о бессмертьи мечту,
Светом вечным в просторе
    Радостью чистой дарит!

В снежной пыли, средь синих звезд
В мир сошел к нам Христос!
В небе звездном бескрайних высот
Светлых ангелов хор нам поет
Песню — славы в просторе
    Радостью чистой даря!

Тихая ночь. Звездная ночь!
Ночь любви. Света ночь!
Звон церковный над грешной землей
Радость вносит и тихий покой
    Нас призывая к высотам
    Яркой, извечной звездой!

**
*

(На мотив „O, Tannenbaum“)

О, ёлочка, любимая!
Сверкаешь вся в огнях ты!
Лучами разноцветными
Игрушек, звезд горят огни!
Припев (два раза):
И смех, и песни детские
Полны к тебе любви!

О, ёлочка, любимая!
Христа-Младенца славишь ты!
А в небе самоцветные
Сияют звезд во тьме огни!
Припев (два раза):
И смех, и песни детские
Полны к Христу любви!

**
*

(Мелодия А. Кнабе)

Тихо ночь святая внемлет
Пенью ангелов в тиши...
Мир великой тайне внемлет,
И спадает гнет с души...
Бог наш свет, любовь и радость
К нам нисходит в этот час...
Жизни вечной зов и сладость
В этот миг близки для нас
И звезда наш светоч, радость
Перед *Ним* во тьме заглась!

СОН

(Видела, когда мне было 11 лет)

Я помню, в детстве снился мне
    Сон жутко-огненный и странный:
Вот я со скорбью на челе
    Смотрю со скал на мир туманный,
Смотрю и вижу в серой мгле
    Вечерних теней предзакатных,
Долину в синей полутьме
    С рядами пашен ароматных.
Года, века передо мной
    Со сменой царств, царей и воин,
Как сон проходят чередой,
    Над ними свод небес спокоен.
Часы, минуты вдаль бегут,
    Вечерние сгустились тени,
А тучи черные ползут,
    Темно вокруг, нет полутени.
Мрак . . . Непроглядный, черный мрак
    Все ближе, гуще над землею.
В сердцах людей зажег он страх
    Безумцы ринулись толпою.
Бегут! Куда? К чему? Зачем?
    С проклятьем, стоном и мольбою,
А мрак и страх царят над всем,
    Кольцом сомкнувшись над землею.
Из тьмы я слышу крик и плач
    Детей забытых матерями,
Проснулся в людях зверь, палач,
    Грозят и бьют, блестя мечами.
И грозно зарево зажглось,
    Огнем дыша из темной дали.
И гром, и вихри, все слилось,
    Зигзаги молний засверкали!
Мрак Вечности в тот час восстал,
    А — *Свет* отвергнутый землею,
Как крест голгофы засиял,
    Пронесся вихрем надо мною!

В ЛЕТОПИСЬ МИРА

И шумели они, как волны в час прибоя,
И роптали, как море в ненастье...
В ослепленьи рвались в омут страшного боя,
И повисло над миром — *Несчастье.*

И сказал так брат брату: «Не знаю тебя»,
И тельцу поклонились златому...
И заветы святые отцов схороня,
Поклонились — Двурогому — злому...

И багряное солнце восстало во тьме,
Засверкали мечи хладной сталью,
Запылали зигзаги огней в синеве,
Грянул гром над пылающей далью...

И настал шабаш крови, огня и меча,
И вода разъярясь бушевала...
И смешались стихии в хаос бытия,
Злая сила восстав ликовала...

Лишь в немногих из них свет, как прежде, горел,
И из тьмы те *Его* призывали,
И их скорбный призыв шире, громче звенел,
И лампады *Ему* возжигали...

Так шумели одни, как волны в час прибоя,
И роптали, как море в ненастье...
А другие пред гранию вечности стоя,
Возрождались душой для — *Причастья.*

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Век измученных, усталых,
Век надломленных и вялых,
Век безмолвья, безучастья,
Век без светлого участья
Мыслей Горних, чувств святых,
Век червонцев золотых...

Век открытий и полетов,
В космос, к Марсу смелых взлетов,
Век застенков, диктатуры,
Делёжа овечьей шкуры...
Век раскрашенных девиц,
Грязных жизненных страниц...

Век безмерного разврата,
Где Святое грубо смято,
Век бездомного скитанья,
Слез, разлук, тоски, страданья,
Страшный, пестрый, громкий век!!
Где ж, хочу знать, Человек?

ОГНИ

Люблю я огненные сны,
Далеких звезд мерцанье,
Люблю пасхальные огни,
Лампад в ночи сиянье...

Огонь нас манит в высь и даль,
К несбыточным желаньям,
Лампады свет глушит печаль,
Смягчает боль страданьям...

Пасхальный свет, как он горит!
Один он неповторный!
В домах, в церквах, средь звезд парит,
Над миром вознесенный!

В ЭТОТ ВЕК . . .

В этот век страшных бомб и проклятий,
В век безмерной, звериной вражды,
В век бездушных и диких понятий,
Мы устали от смут и тяжбы . . .
Исстрадались от буйств и налетов,
Преступленье мир Божий бомбить,
Мы хотим красоту перплетов
Наших сел, городов сохранить.
Чтоб пропеллеров шум, свист картечи
Не грозили потоком огня,
Хотим слушать мы мирные речи,
Пенье птиц и журчанье ручья . . .
Видеть дали залитые солнцем,
А не дым догоревших лачуг . . .
Ближних взоры зажглись бы приветом,
А не врезался в очи испуг.
Жаль мучительно лиц искаженных
От страданий, потерь и забот,
Пусть же свет пред иконой зажженный
Им надежды луч светлый прольет.
Час настал, чтоб весь мир за собрата
Слово нужное громко сказал,
Да постигнет тиранов расплата,
Чтоб свободным измученный стал.
Божий храм вновь манил тишиною,
Не стыдился бы тот, кто сберег
Свое братство с извечной красою
Всей вселенной — где царствует *Бог.*
Перестаньте крылом бомбовоза
Вы чертить грани адские мук . . .
Мы хотим, чтоб «Крылатая греза»
Нас умчала за радуги круг . . .
Чтоб врата от чертогов небесных
Ключом веры смогли отпереть,
Дух очистив в страданиях крестных
Мир нездешний, пресветлый, узреть!

СТРАННИКИ XX ВЕКА

Однажды ночью темной, мглистой,
Когда померк златой закат.
Шли по дороге каменистой
    Два путника — Сестра и Брат...

Как Мать Россия их сроднила,
И как Отец их Долг связал,
Сердца надежда окрылила,
    Всесильный *Рок* — путь указал.

Он — сын простора, дали снежной,
Разгульной песни над рекой,
Был полон удали мятежной,
    Смягченной грустью и тоской.

Она — дитя златистой дали,
Дочь ночи звездно-голубой,
Была полна любви, печали.
    И тайны сказочно-лесной...

И шли года... Селенья, горы,
Как сны, мираж, прошли во мгле...
Даль углубляла знаньем взоры,
    Путь устремляли к — Красоте.

Он песней грустной, песней вольной,
В сердцах заснувших пробудил,
Забытый зов, зов колокольный
    Что — *Воскресенье* возвестил.

И шли они путем тернистым,
Она — с смиреньем, он — с тоской,
И лик *России* вновь лучистый
    Был путеводной им звездой!

ВЕЧЕР СПИТ

Вечер спит . . . Мерцают звезды дальние,
Только там, в далекой полутьме,
Мнятся вздохи тяжкие, печальные,
  Слышны стоны в полусне . . .

Это плач земли, глухой страдающий,
О былых далеких, светлых днях,
Когда *Правды* луч горел сверкающий,
  В чистых пламенных сердцах . . .

Стонет мир во тьме грехов блуждающий,
Об ушедшей *Красоте* скорбит . . .
А пожар страстей испепеляющий
  Вышел из земных орбит . . .

Долг, Любовь, на Бога упование,
Попраны безумцами во прах,
Их не манит больше свет познанья,
  И людей объемлет — *Страх!*

АЛЧУЩИЕ

Долго ждал я людского участья,
Не дождался . . . Поник головой . . .
  Не изведал я личного счастья,
  И наполнилось сердце тоской . . .
Видно путь свой пройду, как в пустыне,
Одинокой, безмолвной тропой . . .
  И сияющий образ «Святыни»
  Догорит, как закат золотой . . .

ГЕРМАНИЯ

По снежной равнине вперед, всё вперед,
Наш русский народ вереницей идет...
  На запад, в неволю миллионы идут,
  Во что-то уж верят, чего-то все ждут...

Вокруг же пожары... Всё небо горит...
Вверху полыхает... Гром пушек гудит...
  Вот хата сгорела, здесь труб черный ряд,
  Здесь стонет солдатик, там бухнул снаряд..

Босые детишки хлеб черствый жуют,
Там бабы с пожарищ лохмотья несут...
  Идут все вперед... Скорбь в очах залегла,
  Куда «злая сила» ты *Русь* привела?

Без крова, без пищи, в крови и поту,
Не знают прикрыть чем свою наготу.
  На фабриках сталь и железо ковали,
  Им, словно подачки, паек обещали...

Им сказку о «правде советской» плели,
И к гибели русский народ привели...
  О, крестный тот путь нужно, должно пройти,
  Чрез горе и муки себя вновь найти,
Чтоб злоба угасла, что мщенье ушло,
И солнце любви над *Россией* взошло!

**
*

Кто счастью крикнет «Обернись!»
  Событьям — «Будьте в моей воле!»
Кто смело кинет взор свой ввысь,
  Кто оживит «Мечту» в просторе?

В ком слово с делом так слились,
  Как луч луны с мерцаньем звездным?
Кто тот, пред кем во тьме зажглись
  Лучи огней призывом грозным?

Ужели ж нет в нас мощных сил,
  Стремлений, цели и порыва?
И мир в безумии застыл
  Над кручей жизненного срыва!

ПОД ЗВЕЗДНЫМ ПОЛОГОМ...

Под звездным пологом далеко,
Россия вся в снегах лежит...
Над нею месяц одиноко
О чем-то с Богом говорит.
    О том, быть может, что страдает
    Великий дух *Руси* родной,
    Что он закован, и пытает
    Его там деспот с силой злой...
Что нет там ярким мыслям воли,
Что «Храм» поруган, осквернен,
Что каждый там — лишь раб на воле,
А — Человек — уже казнен...
    И Высший месяцу внимает,
    Он грозный суд над злом свершит...
    И меч уж огненный сверкает,
    Лишь *Русъ* в алмазах тихо спит...
Настанет час — она проснется,
Величьем духа поразит!..
И «злая сила» содрогнется,
Познав — что *Бог с Россией* слит!

Посвящается Г. Д.

Слезы тихие и усталые
Все сожгут в душе, запоздалые,
Об утраченном и потерянном,
Об ушедшем вдаль, неоцененном...
    Нет надежды в них — сна, забвения,
    От тяжелых дум утешения...
    Нет и сил вернуть отошедшее,
    Нет забвения от прошедшего...
Лейтесь день и ночь слезы горькие,
Ведь слабы мы все... Ох, нестойкие!
Может смоете боль сердечную,
Унесете вдаль муку вечную...

Посвящается Н. А. Тимофееву.

Мы ждем твоих песен,
Аккордов и трелей,
   Высоких созвучий души.
Чтоб мир вновь стал тесен,
Чтоб звуки свирели
   Припомнились в сельской тиши...
Чтоб страсть и страданья,
Смех, слезы, рыданья,
   В аккорд полнозвучный слились.
И в душах усталых,
Болезненно-вялых,
   Лучи дерзновенья зажглись!
Чтоб песнею вольной,
Степною, раздольной,
   С нас тяжесть уныныя стряхнуть,
Как в праздник Престольный,
За песней застольной
   Нам радость, надежду вернуть!

ТУМАННЫЙ ДЕНЬ

Небо серое и туманное
   Ведь лазурь твоя-то обманная...
Небо серое и далекое
   За неверный шаг к нам жестокое...
Небо серое в тучах скрытое,
   Словно горюшко неизжитое...
Где же синь твоя, солнце жаркое?
   Где же звезд твоих лучи яркие?
Подари теплом, лаской, сладостью,
   Утоли печаль — Света радостью.

Посвящается С. К. и Е. А. Паркер

Когда на сердце одиноко,
Когда сомненья ядом жгут,
Я мыслею лечу далеко,
    К вам — кто всегда, во всем поймут.

Какая-то есть в людях сила,
Таинственный — незримый луч,
Который, словно жар светила,
    Согреет нас средь жизни туч.

То душ ли вечное единство?
Любви ль извечный то закон?
Природы ль святость материнства,
    Над чем — был, есть и будет *Он!*

НАША ЖИЗНЬ

Жизни наши в целом,
Лишь ступеньки в вечность,
За земным пределом,
    Ширь и бесконечность . . .

Жизнь — пляска мысли,
    Вихри грез, стремлений,
Зов безбрежной выси,
    Боль и гнет сомнений.

Счастье — это сказка
Матери фортуны,
В ней забвенье, ласка,
    Нежной арфы струны.

Смерть — закат багровый
Солнца — жизни вечной,
То к заре путь новый,
    К жизни бесконечной.

*
* *

Года бегут, и песня спета,
Но сердце лаской не согрето,
Оно тоскует, ворожит,
  Призыв любви в нем всё ж звенит.

Влечет порыв, растет и тает,
В порывах ввысь вдруг замирает,
Бушует, требует, зовет,
  Желанье ядом сердце жжет.

Но дни бегут... Порывы гаснут,
Цветы любви мертвы, не пахнут...
Вдали печальный, мерный звон,
  Напев то смерти, смерти стон...

*
* *

Минувших грез воспоминанья,
Полны безмерного страданья,
  В них скрыты муки Бытия.
Как листья осени печальной,
Чаруют ласкою прощальной,
  В них погребенья Лития.
Всегда кружась, неуловимы,
Как сталь, как меч неумолимы,
  Пронзают сердце, как стрела.
Как искры льдин неисчислимы,
Как стоны бурь невыносимы,
  Хоронят — Счастье навсегда.

*
* *

Смотри, как с пламенным закатом
  Стальная гладь реки горит!
Дыши осенним ароматом
  Последний раз он так пьянит.
Сравни осенний день с свиданьем
  Тех — для кого уж пробил час,
С их жгуче-пламенным лобзаньем
  С которым счастья луч угас...

КРАСОТА

О, Красота! Не покидай, вернись!
Вновь вспыхни огненной средь тьмы зарницей,
Спустись с высот — крылатою жар-птицей,
Жемчужной россыпью снегов зажгись!

Прекрасное, в созвучьях отзовись!
Звучаньем струн неведомого мира!
Чтоб дух парил в стремленьи вечном ввысь,
Глаголом жгла б сердца поэтов лира.

Вновь обрати наш помутневший взор
К созвездьям трепетным ночной порою,
Расширь, возвысь наш узкий кругозор.

Чтобы извечный, творческий узор
Стал отражен здесь каждою чертою,
Путь указав в — Божественный Простор!

**
*

Потух закат... Поникли тени,
Над гладью вод скользнул туман...
Отдавшись чарам грусти, лени,
По небу туч плыл караван...

Затихло озеро под кручей,
Камыш заснул, приник к волне,
За темно-синей, грозной тучей,
Гадали звезды в вышине...

И ночь скользила над землею
Окутав дымкой темный лес...
Затихли песни за рекою,
Покоем веяло с небес...

И ночь, и тьма, и грусть царили
Над сонной, тихою землей...
А сказки снов нам ворожили
О встрече с новою зарей!

ОТВЕТ ВОЕННОПЛЕННОМУ ЗА № 92036

Калека с сломанной ногою
Был должен с костылем ходить,
Но врач умелою рукою,
Сумел тот недуг исцелить.

И ты, поверь мой друг несчастный,
С душой истерзанной, больной,
Залечишь недуг свой опасный
Омывшись нашею слезой,

Слезой, что скоплена годами,
За всех замученных в ЧЕКА,
За трупы детские рядами,
За тех, чей стон ушел в века . . .

Она прожжет, омоет раны,
На путь иной поможет встать,
Чтоб сквозь кровавые туманы
Ты руку друга смог пожать.

* * *

Словно облако ранней порою,
Промелькнули, расплылись вдали
Мои светлые дни чередою
    Прошли тихо и тихо ушли . . .

И туманы седые поплыли,
Обвились и прильнули к земле,
А вечерние звоны манили,
    Ветер пел о далекой весне . . .

И в душе этот звон колокольный
Пробудил отзвук песен былых,
Но то скорбный был отзвук, безвольный,
    Словно эхо средь комнат пустых . . .

**
*

Как хорошо зарею ясной
Средь поля по траве идти,
И с песней жаворонка гласной,
Ответной песней изойти.
    Идти без слов, без дум, ласкаясь
    Даль озарённую огнем,
    Спешит, свой легкий стан сгибая,
    Чтоб в тень укрыться над ручьем.
Впивать прохладный воздух нежный,
Фиалки крупные сбирать,
И с тишью утра безмятежной,
Сливаться, грезить, затихать . . .

ГРОЗА

Темно-синей тяжелою тучей
Весь укутался красный закат.
Притаившись за темною кручей,
Страхи тьмы зорко, остро глядят.
    Там, вдали, тени мрачно скользнули,
    Поползли, потянулись к земле,
    Луч последний с полянки спугнули,
    Покорили всё ужасам, тьме.
Тихо, тихо . . . Безмолвье и тайна;
То глашатаи бури пришли.
И летит темно-синяя стая
Туч тяжелых, гром слышен вдали.
    Грянул гром! Дождь посыпался градом,
    Зашумел, зарыдал в синей мгле.
    Стрелы сыпят из тучи каскадом,
    Нет просвета в тумане и тьме.
Но рассеялись тучи и снова
Свет луны серебрит тихий лес.
Нет ни тьмы, нет и тайны покрова —
Заткан звездами бархат небес.

ЭКСПРОМТ

(По просьбе Сони)

Неужель мимолетны все встречи,
Наши шутки, веселье и сны?
Все померкнет, потухнет, как свечи,
И расстаться мы снова должны?

Неужель лишь на миг мы столкнулись,
Словно листья осенней порой?
Почему же сердца содрогнулись,
И подернулись очи слезой?

Что так глухо в груди застонало?
Может быть, то тоска о былом?
Да, чужбина нас крепко связала,
И тоска о далёком, родном.

Посвящается г-же Боддин

Ты можешь в песне переливах
Тоску души своей излить,
И гамму сильных чувств, порывов,
Созвучьем мощным воскресить.

В тебе поёт струна извечной,
Великой, пламенной любви
К мечте далекой, бесконечной,
Что манит в высь нас от земли.

И мы стремимся за тобою
За грань вседневной суеты,
Мы обновляемся душою,
Нас приближаешь к Богу ты.

*
* *

Мысли возмутились, с жизнью не сошлися,
Ввысь умчались к звездам, искрами зажглися . . .
    Пронеслись над гладью, с ширью породнились
    Без пути, без веры к Свету устремились . . .
Завились спиралью, радугой искрятся,
В небе полуночном метеором мчатся . . .
    Встретились с грозою, вспыхнули огнями,
    Подарили землю золотыми снами . . .
И летят все выше, свет нездешний ищут,
Вслед же им зарницы — полымем трепещут . . .

ЛЕДЯНЫЕ ГОРЫ НА ВЗМОРЬЕ

Море спит, чуть дышет гладь зеркальная,
Только там, где скорбная луна,
Реет ласка тихая, прощальная,
Ночь молчит . . . Молчит волна . . .

И лишь ветер грезы снов не знающий,
С караваном темных туч спешит,
И порыв его, испепеляющий,
Гладь взметнул, она дрожит . . .

И приник к волнам, ласкал рыдающий,
И луна укрылась шарфом туч,
Свет померк, погас свет звезд мигающий,
Догорал последний луч . . .

Целовал он море с наслаждением,
Опьянял его и пел без слов,
И веков минувшим сновидением,
Убаюкал среди льдов . . .

На заре умчался вдаль вздыхающий . . .
Как невеста тихо море спит . . .
Лишь венец, из острых льдин, сверкающий
На челе огнем горит . . .

***

Плывут, словно тучи, тяжелые мысли,
Из прошлого близкие тени встают.
И слезы, как капли дождинок, повисли,
Да ветры над степью тоскливо поют...
    Поют о полях позабытых и рощах,
    О речке тоскуют средь белых берез,
    О пышной сирени под окнами гроздях,
    О радости жизни, что ветер унес...
Родные, далекие, близкие, милые,
Вновь в мыслях я с вами, как прежде, живу;
    Но знаю, мечты то обманчиво-лживые,
    Ведь прошлого тени напрасно зову.

БОКАЛ ХРУСТАЛЬНЫЙ

Раз солнца яркий луч пронзил бокал хрустальный,
В нем тысячью огней зажегся, засиял!
Но грустен был над ним склоненный лик овальный,
И тихий взгляд очей тонул в нем, замирал...

И пенилось вино, рубинами сверкало,
И с солнечным лучом, казалось, ожило,
Сиянье радуги, как будто, отражало,
И поцелуем страсти жадно губы жгло...

О ты, склонившая над ним свой лик овальный,
Уста свои сомкни, разбей его скорей!
Рыданьем заглуши осколков звон прощальный,
Потоком чисты слез огонь его залей!

О если б знала ты, каким смертельным ядом,
Бокал был полон твой в сияньи красоты,
То не ласкала б ты его любовно взглядом,
Ведь в нем змеились — смерть и призрачность мечты!

ЛИДЕ ФЕДОРОВОЙ

Ароматны весною фиалки,
Так заманчив зари полусвет,
Безмятежен и строг взгляд весталки,
И любви свеж, чарующ привет.

Едва слышен твой лепет невнятный,
Бесконечна так нежность очей,
Огонек в них порою опасный
Промелькнет метеором ночей...

Полон грустной загадкою вечер,
Ночь росою льёт слезы в тиши,
Предрассветный бесшумен так ветер,
Чуть трепещут во сне камыши...

Сколько ласки в твоем поцелуе,
Как чарующ улыбки привет,
Всё в аккорд заплелось, и бушует
В каждом сердце восторга порыв!

О СЕБЕ

Я светлые лучи искала;
Но тучи их украли,
Цветы с любовью собирала,
Но нежные увяли...

Мечты я чистые хранила,
Их люди осмеяли,
Я сказку чудную любила,
Зачем ее отняли?

Так «*Мрака*» — «*Тьмы*» я избегала,
Но тени мрачно встали,
Как ни боролась, ни страдала,
Заволокли всё, смяли...

Я так молилась и рыдала,
Но мне не отвечали,
Страдая жить я так устала,
Когда ж конец печали?

СОМНЕНЬЯ

В минуты сомнений пишу.
Что жизнь? — Игра, иль загадка?
Ответа я жадно ищу
В надежде, что вспыхнет разгадка.
  Года чередою прошли,
  Обвитые серою мглою,
  Лишь горе они принесли,
  Омытое горькой слезою...
Как в пасмурный, серенький день,
В них не было ласки и света,
Тоски, безнадежности тень
Темнит лучезарность привета.
  Где ж солнца златого лучи?
  Где ж трепет листвы и веселье?
  Повсюду смерть вносят мечи,
  И жжет всех нас ядом сомненье.
Пойду ли в росистую даль,
Увижу ль закат золотистый,
На сердце все та же печаль,
Спугнет все, рассеет день мглистый.
  Услышу ли песни призыв,
  Упьюсь ли полей ароматом,
  Восторга ль охватит порыв
  Я знаю, — все сгинет с закатом.
Да, знаю, уже смерть стережет,
Потемки же жизни пугают...
Ужель — все бесследно уйдет?
Сомнения мучат, терзают...

* * *

И был день юный и прекрасный,
Всё пело, искрилось, кругом,
И лился шёпот, тихий, страстный,
Пылали зорь лучи огнем...
  И был день серый и ненастный,
  И тени спали чутким сном...
  Манящий свет угас неясный,
  И в сердце ныл, болел излом.

**
*

Над степью скользнули вечерние думы
И в рожь золотую ушли...
Чуть слышно заплакали памяти струны,
Растаяли тихо вдали...
    Над ширью наметились нежные тени
    И в мраке сгустились, во тьме,
    Цветы колыхнулись в объятиях лени,
    Поникнув, забылись во сне...
Один раз взглянули печальные очи,
Жестокий их взгляд поразил...
И душу объял холод страждущей ночи,
Он веру в привет надломил...

Посвящается Бор. А. Д.

Живи мечтой, цени ее свеченье,
Лишь в ней призывность Горней высоты,
Лишь в ней безбрежность, мощность Красоты
Вся радость жизни, свет, ее стремленья.
    Любви пусть в сердце яркое горенье,
    Вся свежесть первой, юной чистоты,
    Не бойся страсти жгучей остроты,
    Убей в душе змеистое сомненье.
Печалью болен, знаю, и тоской,
Не бойся ж мысли яркой откровенья,
Иди туда, — где зов поет веленья.
    В неравный бой ты не вступай с судьбой,
    Мир полон новых снов и наслажденья,
    Убей о прошлом в сердце сожаленья...
Я ж буду петь с зарею над тобой,
Желая счастья, грез, выздоровленья,
Надежд на радость, светлых снов и пенья!

ЭКСПРОМТ

(Сестре — Валентинке)

Если темные тучи печали
Заслонят солнца радостный свет?
Ты лишь вспомни, что в сумрачной дали
Притаился лучистый рассвет...

И с беспечностью розовой зорьки,
Ты туманы и тучи спугни,
Ведь страдания, слезы так горьки
И так коротки ясные дни!

ДОРОГОМУ БОРЕ

Тебя я ждал весеннею порою,
Тебя я ждал на утренней заре...
    Так тосковал прикрытый ночи мглою,
    Манил твой образ в тихом полусне...

Но ты не шла... Сменялись дни годами...
Тернистый путь мне суждено пройти...
    И ранними покрытый сединами,
    Не мог забвенья в жизни я найти...

Ни песни грустной скрытые рыданья,
Ни труд любимый в тишине ночной,
    Не в силах облегчить мои страданья,
    За что?.. Узнаю ль в час последний мой?!

* * *

Я любила тебя, словно брата,
Всею девственной, чистой душой...
    О твоей же *Любви* память свято,
    Сохраню я склонясь пред тобой!

БУДУЩИЙ ИНОК

(К картине худ. Богданова-Бельского)

Что старца с юношей связало?
В чем таинство его речей?
Всё в старце отжило, увяло,
Но силен блеск его очей.

Согбённый горем и трудами,
Он в жизни тернии сбирал.
Что видел он? Какими снами
Он мрак и ужас отгонял?

Полуиссохшими устами
Он тихо, ровно речь ведет.
Все, что взлелеяно годами,
Он юному познать дает.

И юноша — душой рёбенок,
Дитя лесов, дитя полей,
Внимает старцу. О, как тонок
Изгиб чуть сомкнутых бровей.

Он весь застыл, он весь вниманье.
Глубок, широк и силен взор.
В нем отражается призванье.
Порывы мисли в высь, в простор.

В нем инок будущий проснулся,
В нем *«Русь Святая»* говорит;
Пусть тот, кто в жизни обманулся,
На миг в те очи поглядит.

Тогда поймет, в чем жизни радость,
Что сила в нас самих живет,
Что *красоты и мощи* сладость
Для тех, которых даль влечет.

* *
*

Как дождь шумит над нивой опустелой,
Как стонет ветер зимнею порой,
Так плачет мать душой осиротелой,
Припав к могиле сына дорогой...

Был молод он, душою пылкой, смелой,
Манил к себе, как светоч в тьме ночной,
И словно колос золотисто-спелый
Был скошен смерти острою косой...

Ему б цвести... Над жизнью загрубелой
Звездой сиять призывно-голубой,
Ввысь призывая слабых за собой...

За что сверкнув мечтою снежно-белой
Был взят у жизни — лучший, молодой?
За то, поверь, — чтоб вечно жил душой.

ЭКСПРОМТ

Пусть юность — „Allegro"
по клавишам мчится!

„Fortissimo" — пусть к нам
любовь постучит!

„A tempo" — пусть Правда
живет между нами,

„Pianissimo" — старость
седая слетит.

СЛЕПАЯ

Тропой безлюдной, каменистой,
Раз девушка слепая шла . . .
И пылью легкой, золотистой,
Судьба весь путь ей убрала.
  Шла легкой, юною стопою,
  И стан сгибался, как тростник,
  Да озарен любви мечтою
  Был строго-бледен светлый лик.
Искала «Храм» она заветный,
Где свет нездешней красоты,
Где Правды луч горит стоцветный
Непреломленной чистоты.
  И шла она тропой бесплодной,
  Вслед ночь курила фимиам,
  И гордой мыслею свободной.
  Вся устремлялась к небесам.
В пути пастух ей повстречался,
С полями, с лесом породнил,
В лучах зари он пел, смеялся,
Любовью сердце окрылил . . .
  Но он в пути ее оставил
  Прельщенный прелестью цветов,
  Злой рок судьбою девы правил,
  Неумолим, суров, жесток . . .
Вдали зияла бездна грозно . . .
Слепая шла одна вперед . . .
Придет ли он? Быть может поздно,
А бездна близится и ждёт . . .
  Во власти чар, любви и грезы,
  Сама, как свет, как песни зов,
  Хрупка, как лепестки мимозы,
  Она не слышит бездны рев . . .
С мольбою руки простирает,
Как будто близок жданный свет,
Лик просветлел, он весь сияет,
В нем в высь порыв, в нем зорь отсвет . . .
  Вдруг оступилась . . . Тишь настала . . .
  Трава заискрилась росой . . .
  К чему же свет она искала?
  Ведь породнилась только с тьмой . . .

ОТРОК

Однажды отрок молодой
Во мраке темной, бурной ночи
Шел узкой, горною тропой
    Вдаль устремив бесстрашно очи...
Свистел, шумел меж мрачных скал
Холодный ветер... Тьма пугала...
Светильник юноша держал,
    Но яркий свет ночь поглощала...
Куда он шел средь тьмы ночной?
Чего искал? К чему стремился?
Ужель за призрачной мечтой,
    Безумец шел и ей молился?
Да, то «Мечта» средь тьмы сверкнув
Пред ним скользнула голубая,
И с поцелуем раз прильнув
    Зарницей вдаль ушла пылая...
Ее точенный стан манил,
Сжигала страстными очами,
В ней аромат весны царил,
    Пьянила, как вином, речами...
То песней вольной, молодой
Манила вдаль, в простор к широтам,
Иль нитью сказок золотой
    Путь украшала в синь, к высотам.
То к бою с призраком призвав
Незримою средь тьмы рыдала,
Иль к звездам путь ввысь указав
    Сама звездой во тьме сияла...
То вновь манила, как заря,
Меняя образ прихотливый,
То светом мысли озаря,
    Скользила «Грезою» пугливой...
И он всё шел за ней без слов,
Ведь в ней — его отображенье,
Она вся в нем, как жизни зов
    За то, что он — *Порыв, Движенье.*

ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ РОМАНА — Н

Мы по аллеям старого Версаля
Шли тихо, мерною тропой...
Холодных звезд — снежинок стая
Сменялись, как мечта, мечтой...

Мы шли вдыхая воздух свежий,
Шурша листвою золотой,
И шёпот наш, был тихий, нежный,
Мы были счастливы с тобой...

О, окруженные цветами
Все лето пившими любовь
Багряно-алыми зарями
Из чаш забвенья, грез и снов...

Мы к ним рвались, мы ими жили,
Их лаской, радостью, слезой,
Изгибы лепестков их были
Для нас изменчивой мечтой,

Мечтой любви, могучей, страстной,
Горячей, чистой, молодой,
Безумной, робкою иль властной,
Иль детски нежною порой...

Мы любовались: как сверкали
Застывшие навек цветы,
Как в них снежинки утопали —
Цветы зимы — в цветах весны...

Снег сыпался бесшумно, тихо,
На сердце плакала печаль,
Как зачарованные, тихо
Мы молча удалялись вдаль...

ДОРОГОМУ ПЕТЕ

(От Оли — двоюродной сестры)

Ты вспомнил пруд на Муринском проспекте
Малинник, что листвою шелестел,
Тенистый сад в вечернем полусвете
И соловья ... Скажи, о чем он пел?

О том, конечно, что мечтой лазурной,
Ты очарован был в лесной глуши,
Что детскою любовью чистой, бурной,
Ты был охвачен и страдал в тиши ...

И детских чистых грез очарованье,
Их трепетно-сверкающий полёт,
В душе твоей рождал порыв признанья —
Что свет любви вовеки не умрет.

Так годы шли ... Сменялись зимы летом ...
Слезами рос искрилася трава ...
Но так же неповторным, дивным светом
Озарены любви твоей слова!

ОДИНОКИЙ ПУТЬ ...

По равнине снежной тени в синь пошли,
В небесах безбрежных звезд зажглись огни,
Серебристый месяц в синеве поник,
Ветер перелетный, спрятался, притих.
И скользнули тени, расползлись вокруг,
И слилися в четкий, бесконечный круг.
Вот лежит тропинка, одинокий путь,
Кто ее оставил? Чья вздыхала грудь?
Старец ли убогий средь снегов прошел,
И в объятьях стужи, смерть, покой нашел?
Иль быть может юность средь полей прошла,
С тишью породнившись, тихо замерла?
И лежит тропинка, одинокий путь,
И скользит слезинка, падая на грудь.

ДВА ДЕРЕВЦА ПОСАЖЕННЫХ ТОБОЮ

(Сестре Валентинушке)

Два деревца ты посадила,
И с ними память пробудила
Былых зарниц манящий свет,
Ушедших юных сил расцвет...
    Мне вспомнился наш парк тенистый
    В лесном, где в сумрак золотистый
    Окружены толпой друзей
    Мы много знали светлых дней...
Но юность редкою жар-птицей,
Мерцаньем трепетной зарницы,
Лишь ослепила пролетев,
Оставив горестный напев:
    «Что жизни путь — тернист, опасен,
    Что сон любви, хоть и прекрасен,
    Таит в себе страданья стон,
    Разбитых грез прощальный звон...»
Но в этом-то и смысл жизни,
Чтоб на пороге смерти тризны
Сказать: «Любила без конца,
Как вечны те два деревца!»

Посвящается О. С. Фрелих

Перед путем твоим далеким,
Когда покинешь край родной,
Одним крестом простым, широким,
Перекрещу тебя, друг мой.

Иди!.. Доверься воле рока,
Поддержит он тебя в пути...
Ты слаб, судьба к тебе жестока,
Не знаешь ты куда идти.

Туда вперед!.. Где солнце светит,
На труд! На волю! В светлый край!
Стремись за зло добром ответить
И на земле построишь — рай.

***

Я жду, я жажду сновиденья,
В котором явь и сон сродни,
Хочу молитв и песнопенья,
Хочу склоняться до земли.

Хочу в минуты просветленья
Смотреть на звезды до зари,
Купаясь взором до забвенья
В их ярко-радужной пыли . . .

Я жажду ласк и наслажденья,
Хочу я пламенной мольбы,
Я жду великого крещенья
Горячей, огненной любви!

К — В. А. Т.

Не нужны мне твои объятья,
Не нужен бред твоих речей,
Они мне чужды, непонятны,
Не нарушай тиши ночей!

Тиши ночей моих безмолвных,
Их дивных, незабвенных снов,
Их музыкальных перезвонов,
Не разбивай, не рви оков.

Моя душа слилася с ними,
Рабыня их я навсегда.
Любви же чашу разобью я
Не прикоснусь к ней — никогда!

***

Темные ночи страдания
    Рождают яркие мысли познания.

**
*

Есть в жизни только три весны
Блестящих, радужных, как сны...
    В одной расцвет всех наших сил,
    И лик тогда наш — чист и мил...

В другой — любви могучий зов,
Здесь царство неги, царство снов...
    Мечты, миражи в даль зовут,
    Весной той — тишь и ночь поют...

Но есть и третяя весна
Преддверье вечности она...
    В ней страсти пир, прощальный звон,
    Напев в ней смерти, скрытый стон...

ОДИНОКИЕ СЛЕЗИНКИ

Одинокие слезинки,
Словно осенью дождинки,
Будто зимние снежинки,
Бьются больно, колко в грудь...

Горе тихо плачет, стонет,
А в трубе злой ветер воет,
Снег поляны густо кроет,
Лишь часочек бы соснуть...

И уходят дни за днями,
Лишь чаруют ночи снами,
Тают ясными зорями,
Тяжело вздыхает грудь..

Радость гаснет, мысли рвутся,
Холод, мрак теснее жмутся,
Смерть, забвение крадутся,
Конец близок... Кончен путь.

**
*

О, развей ты тоску мою ветер,
По полям, по долинам средь гор,
Убаюкай меня тихий вечер,
Ночь умчи меня в синий простор.

Познакомь меня с вешней зарницей,
С тихой озера грустной волной,
Пронесись легкокрылою птицей,
Ты со мной над печальной землей.

Горе, муку хочу я измерить,
В раны сердца людей заглянуть,
Глубину своей скорби проверить,
И в обятиях смерти уснуть.

ОБ ИГРЕ ТИЛЬДЕМАНА

Прозвучал аккорд стозвучный,
Замер, стих... вдруг страстно вновь
Заискрился полнозвучный
   Гимном радужных тонов...

Он играл... Душа поэта
В этот миг проснулась в нем,
Жаждал ласки, солнца, света,
   Вешней грезой опьянен...

И в душе больной, разбитой,
Там, где вера умерла,
С властным звуком в одно слитой
   Вновь *надежда* ожила...

Вот аккорд последний замер,
Долго отзвуком царил...
Он смертельно сердце ранил,
   Душу, сердце опалил...

ЗЕРКАЛО

Раз вместе с ним я в зеркало смотрела,
Гладь отражала юных два лица.
Мне память их навек запечатлела,
Лишь отошли ... на глади муть свинца ...

И юность так синицей пролетела,
Над зеркалом родимого ручья ...
В нем отразилась, вспыхнула, сгорела,
Как пред иконой яркая свеча ...

Вновь жизнь о любви, о счастье пела ...
Паялись звенья вечного кольца,
Печать в очах их смерть запечатлела ...

Как часто в зеркало с тоской глядела,
Ища черты любимого лица ...
Но гладь его по-прежнему тускнела ...

* * *

Несутся мысли, словно тучи,
К каким заоблачным краям?
Скользят над пропастью по круче
Звенят и плещут по ручьям.

Горят средь ночи златотканной,
Поют в сияньи нежном зорь,
Напев их сказкою обманной
Сердечных ран врачуют боль.

Но если мысли вдруг порвутся,
И в душу *Ночь*, как змей вползет,
Померкнут зори, не зажгутся,
К безумью путь нас приведет.

СКАЗКА МИРА

На море далеком, средь сумрачных скал,
Был мыс одинокий, на нем свет сиял...
Там замок старинный средь сосен был скрыт,
В том замке царевна прекрасная спит...

В тот миг, когда твердь отделилась от вод,
Когда в синеве, звезд сплелся хоровод,
Когда солнца луч породнился с зарей,
И свет воссиял над печальной землей

Царевна явилась из пены и грез,
И ветер прекрасную в замок унес...
Он тихо навеял ей сон голубой,
Луч яркий соткал ей покров золотой,

Цветы воскурили вокруг фимиам,
И замок стал тих и торжествен, как храм...
И дни, как ручьи, чередой потекли,
В века и столетья спаялись они...

Ключ жизни ж, как бурный поток возрастал,
Всё комкал, коверкал, ломал он и рвал...
Луч солнца с зарею недолго сиял,
Закат их багровый бесстрастно сменял...

И тайна ночная ложилась вокруг,
Да тьма и туман замыкали свой круг...
И люди метались... Их мысли рвались
К сияющим звездам, в безбрежную высь...

Их взор затененный тоскою искал
Тот — *Свет,* что когда-то с зарей воссиял.
Им память шептала, что «Греза» их спит,
Что вешние сны лишь она им дарит...

Что чужды ей жизненной бури пиры,
Что с нею и в ней сочетались дары,
Любви беспредельной, извечной мечты,
И властной, — как *Тайна,* как свет — *Красоты!*

***

Как лунный луч средь ночи златотканной
Ты осветил; но сердце не согрел.
Лишь песни бурь с тоскою ты пропел,
    И в даль ушел зарницею багряной...

Как вешний цвет, ты чашечкой медвяной
Нектар любви поднес и повелел
Идти туда, где бурь земных предел,
    Обвеяв душу лаской долгожданной...

Ты ночью темной, мглистой и туманной
Глубоко, долго в очи мне смотрел,
    Но речь твоя казалась мне обманной...

Мечтой любви, единственной, желанной,
Быть для тебя всесильный Рок велел;
    Но, ты не понял мысли первозданной.

ЭКСПРОМТ

Слезой написанный стишок,
Горячей кровию согретый,
Холодный вызвал в нем смешок,
Своею скорбью недопетой...
    Рыданья, стоны и мольбы,
    Души измученной страданьем,
    Казались вычурно-пусты
    Тому, кто измерял их знаньем
Законных правил, нужных слов,
Тончайших ритмов и созвучий,
    Лишь проглядел он — скорбный зов
    Души молитвенно-певучий!

МОТЫЛЕК

(Лидочке Ф.)

На ромашку раз случайно
Мотылек присел вздремнуть.
А соловушка им тайно
О любви решил шепнуть.
   И запел певец полночный,
   Песню нежную любви,
   И завесою молочной
   Поднялся туман вдали.
Зажемчужилась росою,
Вся прильнув к земле, трава,
Как лампадою, звездою
Осветилась синева...
   Мотылек крылом сквозистым,
   Обвевает лик цветка,
   А луна лучом искристым
   Расцветила мотылька.
Негой, ласкою и светом
Ночь сверкала до зари...
Только с утренним приветом
Мотылек сказал: «Прости!»
   Улетел сверкнув в лазури,
   Белым трепетным крылом,
   Не заботясь, что в час бури
   Над ромашкой грянет гром...

* * *

В кудрях золотистых осени берез
Не ищи весенних, ярких, светлых грез...
   В сердце пережившем боль смертельных ран,
   Не пробудишь страсти ласковый дурман.
Не срывай беспечно осени цветы,
Помни, не дождаться им второй весны...
   Путиной ласки душу не обвей,
   Радость в поцелуе с губ моих не пей!
В сердце горечь, холод... В сердце нет мечты,
Лишь осколки счастья... Горечь пустоты...

* * *

О, женщины — рабыни и царицы,
Ваш путь из вечности высок, широк,
Безмерным даром наградил вас Бог,
Чаровность в вас и легкость синей птицы.
  Призывность в вас сверкающей зарницы,
  Проникновенностью ваш взор глубок,
  Венцом творения вас назвал Бог,
  Стремитесь ввысь смелее же орлицы!
Начало жизни в вас — ее венец,
В вас наше счастье, грех, в любви крещенье,
Вы звенья вечных жизненных колец.
  Цветами жизни вас взрастил Творец,
  За то вам — сказки, песни, вдохновенье,
  Что в мир внесли прекрасный зов — *Отец!*

Посвящается сестре Вале

В минуту грусти и печали
Не унывай, иди вперед...
Иди, не бойся темной дали.
Тоски, что ядом сердце жжет.
  Не падай духом от сомнений,
  Не бойся бурь житейских гроз,
  Не разгоняй ты сновидений,
  И не стыдись горячих слез.
Знай, жизни путь тернист и темен,
Сумей зарницы отыскать.
Молись, люби, ищи, будь скромен,
Сумей, как Он страдать, прощать.
  Тогда поймешь всю силу мысли,
  Все чувства разом оценишь,
  И в мир надзвездной Горней выси
  Духовным оком поглядишь.

НЕ ВЕРЬ

Не верь минутной вспышке ласки,
В ней лишь мираж, в ней лживость сказки,
Не верь речам его в тиши,
Молчаньем их ты заглуши.

Ты взорам дерзким, взорам властным,
Не отвечай порывом страстным,
В них гнет, в них ласковый дурман,
Минутной страсти в них обман.

И если он рукой разврата,
Рукой мужчины, а не брата,
Твой гибкий стан вдруг обовьет,
И поцелуй любви возьмет,

Тогда сорви со зверя маску,
Убей в нем веру в мира сказку,
Что — властелин он, царь и бог,
Что мир ему — любви чертог.

Дай осознать что ты — Творенье
Всех дел *Его* — не наслажденье,
В тот миг в борьбу вступи с судьбой, —
Царицей мира, — не рабой!

***

Вечер шел из дали
Ласковый и нежный,
И повсюду реял
Шёпот безмятежный...
    С озера тянуло
    Влагой и прохладой,
    Догорало солнце
    Красою лампадой...
С сини безмятежной
Над землей печальной
Ночь склонила лик свой
Бледный и овальный...

СИВЕРСКАЯ

Тишина . . . Полумрак,
Грозди пышной сирени . . .
Мерный времени такт
Вязью нежною тени . . .

Камин жаром манит,
Пламя красное бьется,
Янтарями блестит,
Смола пенится льется.

Вот нарциссы грустят,
Так бледны, молчаливы,
Словно ревности яд
Их скрывают извивы . . .

А вокруг синий дым
Сигареток струится,
И под взглядом стальным
Сердце плакать боится . . .

Пусть веселье царит,
Лживость сказок и счастья,
Радость вмиг пролетит,
Уж змеится ненастье . . .

РАБСТВО МОД

О, рабство мод, оно опасно,
В нем яд смертельный — это ясно,
    Стрелы стальной в нем острота.

Сначала века и доныне,
Вы мод безвольные рабыни,
    И ими будете всегда.

Лишь форма вам нужна и краски,
Вам лживость, яркость дайте сказки
    Реклам минутных пестроту.

Вам не сорвать их лживой маски,
Свет мысли больно режет глазки,
    Не видят очи — *Красоту*.

ВЕТЕ ВЕЛЬШ-УАЛЬШ

Ты помнишь ли, как мы с тобой встречали
    Зари весенней алый свет...
Как маки красные мы собирали,
    Ведь то не сон был, Вета, нет!
А помнишь ли, как с пурпуром заката,
    С тенями предзакатных дум,
Безмолвные мы с грустью расставались,
    И тихо реял улиц шум...
Ведь не забыть, как в синеве глубокой,
    Бесчислены и холодны,
Мерцали звезды ночью синеокой,
    Во тьме искрились светлячки...
Да. не забыть те ночи нам родные,
    Мечты, желанья, сказки, бред,
Мы их плели в узоры кружевные,
    Ведь то не сон был, — нет же нет!

К — Н

Расцветала мечта голубая,
В ореоле закатных лучей,
И манили ввысь звезды сияя,
И в сирени рыдал соловей.

Даль звала, даль манила и пела,
О весне первых встреч средь берез...
В искрах рос ширь искрилась, горела,
Так пьянил аромат пышных роз.

Взгляд случайный был встречен и понят.
Завязался немой разговор,
С ним мечты чашу снов вновь наполнят,
И соткут вешний, пестрый узор...

Вновь подарят восторг и забвенье,
Может в сердце вновь вспыхнет порыв?
А быть может то лишь сновиденье
Обмануло лучом ослепив.

* * *

Вечера шли задумчиво-нежные
    Золотистой зарею сменялись,
    Васильки среди ржи улыбались,
Небеса чаровали безбрежные...

Ночи шли... Спали ели мятежные,
    Соловьи над ручьем заливались,
    А в вишневом саду осыпались
Лепестки и цветы белоснежные...

Лепестки те причудливо свитые
    Дас роднили с крылатой мечтою,
И шептали нам сказки забытые...

Нам иные пути — неизжитые
    Указали маня — Красотою...
В очи ноч нам глядела открытые...

ТРИ ПУТНИКА

Тропой бесплодной, каменистой,
Три путника безмолвно шли,
И пылью легкой, золотистой
    Слепил их ветер, искры жгли.

Один, покрытый сединами,
Спокойно, прямо вдаль глядел,
«Путь Жизни» красил он трудами,
    Покоя ждал — и догорел.

Другой был, словно ветер вольный,
Весь мир познать он захотел,
Услышал раз звон колокольный,
    И понял — смерть его удел.

Жил третий яркими мечтами,
Им гимны радости слагал,
С улыбкой, жаркими устами
    Тернистый Путь благословлял.

О ТАНЦАХ

О танцы! — Это сказка мира,
Порыв к несбыточной мечте.
В них радость мирового пира,
Тоска по жизненной весне...
  Печать в них ритма мирового,
  Созвучье в них духовных струн.
  О, в них забвенье изжитого,
  Обрывки снов, обрывки дум...
В них гимны страсти и свободы,
В них трепет первых, робких встреч,
Они уносят боль невзгоды,
Чтобы порыв в лазурь зажечь.
  Порыв, полёт ввысь дерзновенный
  К исканью новых сил в себе,
  Чтоб с «Сказкой мира» незабвенной
  Сроднится в танцах, как во сне.

***

Я человек, я царь природы,
Мне вечность свыше суждена,
Века сменяют дни и годы,
Я — есмь, — буду без конца!
  В огне сознанья мысли вечной
  Весь мир могу я облететь,
  И с ширью слиться бесконечной,
  И за полетом звезд поспеть...
Поля, цветы, моря и реки
Моё то царство без конца.
Улыбки, сомкнутые веки,
Я все читаю, как сердца.
  Мне трав понятен тайный лепет,
  Со мною ветры говорят,
  Лучей во тьме я чую трепет,
  Мне ночь и скорбь во тьме звенят...
О, *Ты, Создатель* всей вселенной!
Сумею ль я *Твой* дар сберечь?
Внемли моей мольбе смиренной
И дай Огонь средь тьмы возжечь!

**
*

Раз ночью звездной, сине-золотистой,
   Зажглась вдали нездешняя звезда,
   Слезами рос заискрилась трава,
Окутал даль туман вуалью мглистой...

Любовь в сердцá, так искрою лучистой
   Запала вглубь, зарделась, как заря,
   В очах блеснула светом янтаря,
Связала тканью вешнею цветистой.

И даль казалась нам безмерно-чистой,
   Нам пели песни синие моря,
Луга смеялись трелью серебристой...

Но с пылью снежной, легкой и сквозистой,
   Умчалась «Сказка» светом озаря,
Замолкла даль под бронью хладно-мглистой.

ЦВЕТЫ

Мне хочется лилий, цветов белоснежных,
Как стан легких, гибких, как сон безмятежных.
И хочется взоров, глубоких и нежных,
Как ветер бодрящих, как море безбрежных...

Мне хочется красных гвоздик опьяненных,
Лучами зорь вéшних огнём обагренных,
И хочется ласк мне любовью сплетенных,
Как будто огнями зарниц опаленных...

Мне хочется ирисов желтых и пряных,
Как сталь холодящих, как меч беспощадных.
И хочется взоров, холодных, бесстрастных,
Как омут затишья — коварных, опасных...

**
*

Отчего весенний шум листвы нам дорог?
И о чем нам шепчет, темной ночи шорох?
Почему долины, заискрясь росою,
Манят нас в прохладу, утренней зарею?

Отчего сиянье звезд нас призывает?
И луна бледнея лик к земле склоняет...
Что поют нам зори из закатной дали?
Отчего волнует блеск нас водной стали?

Почему с улыбкой солнце мы встречаем?
И закат багровый думно провожаем?
Оттого ль что зовы *Красоты* здесь скрыты,
Что *Познанья* очи в миг тот приоткрыты...

ШОРОХИ НОЧИ

Шорохи ночи, призраки ночи,
Тихо поют и скользят по земле...
Синие, карие, серые очи
Тихо смежились, забылись во сне...

Шорохи, вздохи, призраки, звуки,
Мерно плывут, призывают и жгут,
Длинные пальцы, и цепкие руки,
Черные косы свиваются, льнут...

Горе, заботы, вопли, страданья,
Новые цепи средь ночи куют,
Скрытые вздохи, мольбы и стенанья,
Песню свободы средь ночи поют...

КУБОК

С тобой мечтаний кубок пили,
Пока до дна не осушили...
Напиток сладкий был, хмельной,
Нас захлестнул, унес волной...

Унес и бросил к скалам грозным,
Носил, кружил по далям водным,
Купая в пене и лучах,
В сыпучих, режущих песках...

Порывом вихря окрыленный,
Безумьем страсти опьяненный,
Кричал ты мне: «Поторопись!
За мной в синеющую высь!»

И я неслась сплетясь с тобою,
Пока не встретились с грозою,
Здесь меч нас огненный сразил,
Средь скал угрюмых схоронил...

* *
*

Как часто мы закрывши очи
Мечтаем о прекрасных днях,
И бой часов, и сумрак ночи
В тот миг далеки, бледен страх.

Страх перед жизненной загадкой,
Сомнений гнет, их боль, тоска,
Всё тонет в тихой неге сладкой,
Мечтаний чашу пьем сполна...

Благословенны те минуты,
Когда отбросив жизни гнет
Спадают с нас сомнений путы,
И даль широкая зовет!

**
*

Хочешь быть любимым мною?
Солнца свет мне подари,
В поединке будь с грозою,
Яркий луч во тьму вонзи!

Спой мне песни темных елей,
В парчу зорь принаряди.
И средь моря рифов, мелей,
Жемчуг крупный пригляди.

Свет луны ты темной ночкой,
В тихий терем мой впусти,
С «Синевы» любимой дочкой
Не играй и не шути.

Подарю я мыслей ясность,
Трав веселых аромат,
Негу, зов, всю ночи страстность,
Расцветить смогу закат!

ЗОЛОТОЕ ПОСЛЕДНЕЕ УТРО

Золотое последнее утро горело,
Искрометная даль так манила, звала,
И вокруг все как будто о счастии пело
За тобой по долине росистой я шла.

Чистотою, прозрачностью веяли дали,
И жемчужились нити лучистой росы,
И горела вода блеском режущей стали,
Да с лугов доносился лязг звонкой косы...

И мы шли по траве тихой поступью мерной,
Нас прощальные взоры ласкали и жгли...
Мысли гасли под тяжестью муки безмерной,
И виденья былого навстречу нам шли...

Золотое, последнее утро горело,
Искрометная даль так манила, звала.
А с долины осколками счастья звенело,
Там надежда последние струны рвала...

*
* *

Я не знаю кто ты,
О том знает луна,
Да туман над рекой,
Ночи синяя мгла.
    Серебристы лучей,
    Ореол вкруг тебя,
    Как тростник гибок стан,
    Приоткрыты уста...
Волны мягких кудрей
Осветились луной,
Твой прозрачный наряд,
Свеж, обрызган росой.
    Грезой яркой, живой,
    Ты склонилась ко мне,
    Тихо шепчут уста:
    «Жди, приду на заре».
Свет померк... Ты ушла,
Лишь блеснула на миг,
Ночь сребристым крылом,
Дорогой скрыла лик...
    «Сказка», «Греза», «Мечта»,
    Я не знаю кто ты,
    Но с собою несешь
    Радость мук Красоты.
Блики, тени плывут,
Утро вновь заблестит,
Ты ж с зарею уйдешь
В даль, где солнце горит.
    Я не знаю — кто ты?
    Подожди!.. Нет, прощай!
    Для меня *«Греза»* ты
    И голгофа, и рай.

***

Тихий, тихий долгий вечер,
Даль волнует и манит...
Скрип уключин, медных петел,
Гладь реки слепит, горит...
    Звонких песен переливы
    Слышны с берега порой,
    Да реки бегут извивы,
    Камыш шепчется с волной...
Кануть в тишь бы без возврата,
Чтоб не слышать скорбный плач,
В красках розовых заката
Одиноких, черных мачт...

***

Ядом желания ты отравила
Сиянье далекой, ушедшей весны.
Песней зачем же ты вновь пробудила,
Казалось забытые, вешние сны...

Ночью безлунною, ночью печальной,
Нежный твой образ, вновь с грустью поник...
Взглядом забытым и лаской прощальной,
Звал и манил незабвенный твой лик.

Гнетом сомнения, бурей желаний,
Чащу вновь жизни наполнила ты,
Силою страстных, безумных лобзаний,
Бледные вновь расцветила мечты...

И насладившись безумья порывом,
Полная таин, как прежде ушла...
Чтоб не вернуться безбрежья призывом,
«Сказка любви», чтоб с зарей не взошла!

***

Раз девочка цветы сбирая
Сорвала василек средь ржи,
И им любуясь и играя,
Бежала быстро вдоль межи.

Был зной, цветы ее завяли,
Лишь василек был свеж и мил,
Его росинки освежали,
Он их впивал, он ими жил . . .

И поняла она — что *слезы*
Для нас, как для цветов роса,
Они рождают в сердце грезы,
И отражают небеса . . .

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

День осенний так прекрасен!
   Свежий воздух тих и ясен,
Золотое солнце блещет,
   Лес проснувшийся трепещет . . .
Галки весело кричат
   И по ветру в лес летят.
Крыши инеем покрыты,
   Словно жемчугом расшиты . . .
На деревьях лист шумит,
   Янтарями луг горит . . .
Небо нежно-голубое,
   Горизонт весь в облаках,
Солнце светит золотое,
   Унося вдаль боль и страх.

Посвящается Н.

Ты — мать, ты женщина, рабыня,
Звено ты в цепи мировой,
Ты — наше счастье, грех, святыня,
Так нежен, женствен образ твой.

Ты — «Дочь мечты», «Дитя порыва»,
Ты сказкой прошлого живешь,
А жизни мощного призыва,
Ты не оценишь, не поймешь.

В тебе сильна власть тьмы и света,
Вся гамма красок и тонов,
Пусть дни бегут, и песня спета,
Но ты во власти вешних снов...

И так иди тропою мглистой,
Извечный светоч не туши,
Чтоб в «Храм судьбы» внести искристой
Всю ценность женственной души.

* * *

Словно листья осенней порою
Разлетелись былые мечты,
Распростилась я с жизни зарею,
Не дождусь лучезарной весны...

Жизни ветер сорвав все наряды,
Мою душу прожег, обнажил,
Погребенья свершивши обряды,
Мою радость и счастье убил...

Ты осеннею бурей промчался
В моей жизни, срывая листы...
И как ветер свободный умчался,
Растоптав юной сказки цветы...

Словно листья осенней порою,
Разлетелись златые мечты,
Распростилась я с жизни зарею,
Не дождусь лучезарной весны...

Посвящается Е. Ф. Каравай-Метелицкой.

Запомним. Каждая былинка
Головку клонит перед сном,
Чтоб утром свежая росинка
На ней сверкнула вновь огнем.

Чтоб утра луч — любви приветом,
Ее пригрел и оживил,
Чтоб дух уснувший пред рассветом
К чертогам светлым воспарил . . .

Так солнца луч извечным светом,
Наш дух пригреет, оживит . . .
Ведь ночь же сменится рассветом,
Сиянье зорь о том гласит! . .

ВО ВРЕМЯ ЗАСЕДАНИЯ

Средь бездарных и лживых созданий
Ты привета и ласки не жди,
Силу горьких и скрытых рыданий
В их толпе ты скорей заглуши.

Как жемчужины, мысли, о, спрячь ты
На дне страстной и бурной души.
Белый парус держи ты от мачты,
Не пристал чтоб твой челн в глуши.

Уйди в море исканий, порывов,
В океан, лучше, бед поверни,
Чтоб дорога пошла без извивов,
Гордо к буре ты лик оберни.

С бурей встреться, как равный по силе,
В поединок ты с честью вступи . . .
Если путь и тогда твой к могиле,
Правды руль все же крепко держи!

ПРИЗЫВ

Туда, где Красоты сиянье!
Туда, где свет любви горит!
Где милосердье, пониманье,
Где всепрощение царит!
Вокруг страданье, ложь и злоба,
Обрывки радужного сна...
Дележ и клевета у гроба,
И скорбь склоненных у креста...
Омоет скорбь слезой горячей
Все заблужденья прежних лет.
Слепой духовно, станет зрячим,
Увидит зорь грядущих свет.
Так на борьбу со злом и тьмою,
К извечной, звездной высоте,
Чтоб просветленною душою
Служить Добру и Красоте!

ХРУСТАЛЬНАЯ ЧАША

Хрустальная чаша в руке задрожала,
И белым покровом обвилось лицо,
Вдруг глухо, бессильно она зарыдала,
И капля за каплей пролилось вино.

Ведь только сейчас так она улыбалась,
Искрились, горели и звали глаза,
И всё вдруг померкло, и всё вдруг смешалось
И буря влетела, ворвалась гроза...

Ища взором полным любви и признанья
Во взгляде ответном жестокость прочла,
И полная муки, тоски и страданья,
С разбитой мечтою навеки ушла...

Ушла в даль, где мглисто, туманно и тихо,
С горячей и ноющей раной в груди,
Чтоб вдоволь наплакаться страстно и глухо
И капля за каплей слезой изойти...

* * *

Ручей однажды, звонкий, светлый
Лик юный четко отразил,
Но ветер зыбью чуть заметной
    То отраженье исказил . . .

Восторг, испуг, сомненье мука,
Смешались, в мыслях пронеслись,
И сердце плакало без звука,
    Что грезы рано порвались . . .

Любовь раз в сердце разгорелась
Пылая радужным огнем,
Но боль обиды в сердце въелась
    Сразив насмешкой, как мечом.

Вот так, поверь, Любовь и Греза,
Лишь в мыслях пламенно горят,
И словно чуткая мимоза
    Лишь тронешь — прячут свой наряд.

ДОРОГА ЖИЗНИ

Дорога жизни . . . Звездный путь,
    Бескрайность неба голубого,
Вокруг туманы, мрак и муть,
    Да грань заката золотого . . .

Две тени встретились, скользят,
    По круче жизненного склона,
Одним желанием горят:
    Познать глыбь высшего закона . . .

Хотят надежды воскресить,
    Любви принять огонь крещенья,
Грез чашу полную испить,
    Познать всю сладость всепрощенья.

Но миг неверный стережет
    Страж жизни — *Рок* — Слуга отмщенья,
Он тихо песню им поет:
    «Я мщу за силу дерзновенья!»

Посвящается сестре Вале.

Не плачь сестра, что счастье обмануло
Рассеяв дымкой чары вешних грез,
Что унеслась «Мечта» в потоке слез,
Что в очи ночь с тоскою заглянула...

Что в «чашу» мук ты до краев черпнула,
Познала боль житейских бурь и гроз,
Ночами долгими в потоках слез
Познала ложь, что вкруг кольцо сомкнула...

В безверья час, о если б ты взглянула
Туда, где свет далеких, ярких звезд,
Ты б безмятежно, как дитя уснула!

Как глубоко, как жадно б ты вдохнула
Весь аромат полей, цветов, берез
И к жизни вновь ты руки б протянула!

**
*

Нас все винят, что в чудных сказках,
И в небылицах людям лжём
Что в радужных и ярких красках,
О вечной Красоте поем.

Пред алтарем любви лазурным,
Что ввысь и к свету нас влечет,
Покровом вычурно-ажурным,
Скрываем тления налет...

О, то не ложь то лишь отсветы
Нездешней, вечной Красоты!
То искры творческой заветы
Творить — Лазурь из Пустоты!

* * *

Тихо догорает вечер над рекой,
Вновь из тьмы всплывает образ дорогой.
Он зовет и манит о любви поет,
И улыбкой дарит, в даль, в простор зовет.

По долине мглистой я за ним пойду,
Чашу горя, муки, знаю, осушу . . .
И тогда с зарею, распростясь с мечтой
Выплачу я горе, изойду слезой . . .

НОЧЬ

Крылом пушистым ночь взметнула
Над ширью гор, полей прошла,
В долину тихую скользнула,
Росой над степью изошла . . .

Туманы с озера спугнула,
Прикрыла небо шарфом туч,
И лунным оком вдаль взглянула,
Сорвав с вершин закатный луч . . .

И с думой тажкою во взоре
Пошла тяжелою стопой,
Тьмой прикрывая стоны, горе,
Поникла скорбно над землей . . .

Был взгляд ее быстрее мысли,
Холодной стали блеск в нем был,
И перлы слез вокруг повисли,
Он убивал, он не щадил . . .

И в очи ночь мне заглянула,
Убила память о весне . . .
И властно, жестко мне шепнула:
«Ты жизни путь пройдешь во мгле».

ЗА ЧЕРТОПОЛОХОМ

(Сказка по роману Краснова)

Не за синими морями,
Не за кручью диких скал,
За стеной чертополоха
   Наш народ опочивал...

Он стеною цепкой, прочной,
Вход в *Россию* стережет,
Весь обвит травой он сочной,
   Кровь он наших братьев пьет...

Много их легло в те годы,
Поразил их меч и глад,
Бури жизни, непогоды,
   Большевистский страшный ад...

Тишь и тьма в стране настала,
Нет ни пташек, ни цветов,
Смерть косой там всё сметала
   От детей и до отцов...

Обагрились кровью реки,
Поиссохли там сады,
Там сомкнулись многих веки,
   Непробудны мертвых сны...

Нивы черные тоскуют,
Не звенит коса в лугах,
Голубки там не воркуют,
   Ворон кружит в небесах...

Ночью вздохи и стенанья
Всюду слышны в тишине,
Привидений очертанья
   Видны ясно при луне...

Словно черные скелеты
Церкви, обгорев, стоят,
Песнопенья не допеты,
    Звонари там не звонят...

Страх там, ужас, скорбь немая,
Тучи медленно плывут,
Как драконов страшных стая
    Смерть и холод, мрак несут...

Позабытая, больная,
Гибнет *Русь* одна в тиши...
«В этом тайна мировая», —
    Тихо шепчут камыши...

Так проходят дни и годы,
Как царевна *Русь* всё спит...
В страхе шепчут вкруг народы:
    «Там чума, там смерть царит!»

Много рыцарей отважных
Русь старались посетить,
Но очей отчизны ясных
    Не далóсь им пробудить...

Если нужно, *Русь* проснется,
Зло и гнет все отряхнет,
Снова светом вся зажжется,
    И как сокол ввысь порхнет!...

А быть может и проснулась?
Может вновь там жизнь кипит?
И царицей обернулась,
    Красотой души манит...

Отчего зарею ясной
Звук свирели слышен там?
И мечтой порой неясной
    Русь влечет нас по ночам?..

Да, там жизнь вновь началась,
Жизнь духа и любви,
Видно буря зла промчалась
    И затих огонь в крови...

Снова витязи явились,
Не с мечами, а с крестом,
Об усопших помолились,
    Что забылись вечным сном...

Правда там с восходом солнца
Осветила ширь и даль,
Там из узкого оконца
    Не глядит теперь печаль.

Там у всех хоромы видно
Не горят и не гниют,
Из казны там, очевидно,
    На хозяйство выдают...

Все в собольих шапках ходят,
Да в шелках и жемчугах,
Хороводы девы водят
    С тихой ласкою в очах...

Там хозяйки все девицы,
Красоту и честь хранят,
Не порхают, словно птицы,
    И в светелках мирно спят...

Дети чисты там, опрятны,
В школах там любовь и страх,
Все близки там и приятны
    И убитых чтут там прах...

Церкви же полны народу,
Пастыри все мудрецы,
Помнят прошлую невзгоду:
    Как погибли их отцы...

Парни смотрят молодцами,
Как в полях, так и в строю,
Просветленными очами
    Видят родину свою...

Изобретений там много,
Всё для родины своей,
Царь за всем следит там строго,
    И награды шлет скорей.

Водий, радий, дольносказы,
Всюду встретишь на пути,
Нет ни глада, ни заразы,
    Нищих больше не найти...

Все работают там дружно,
Всем люба работа там,
Принуждений там не нужно,
    Выбирает каждый сам...

Города слепят богатством,
Тройки птицею летят,
Рынки полны снеди, яством,
    Слышны песни, смех ребят...

Во дворце бояре пышном,
Во главе с царем сидят,
Не пугают сказом лишним,
    Лишь о деле говорят...

Царь-отец народ свой любит,
С ним пирует, с ним живет,
В нем всё лучшее он будит,
    Честь таланту воздает.

С ним художники и воины,
Старики и детвора,
Потому ему так стройны
    Гимны, громкое — *Ура!*

Но царевна всех милее,
Вся народа, не своя,
Ярче солнца и светлее,
    Светом *Радости* горя!..

Чистота *Руси* в ней дышет,
Мощь души в ее очах,
Все смиреньем в себе глушит,
    Правду видит в небесах!

БАЛЛАДА

(Из курляндских преданий)

В корчме однажды пировали,
Вино гостям лилось рекой...
Смеялись, пели и плясали,
Ну, словом, пир там был большой...
За полночь гости засиделись,
Клевали носом старики,
От танцев лица раскраснелись,
Вдали пропели петухи...
Домой собрались музыканты,
Хозяин вновь их угостил,
И словно кавалер галантный
Их пес дворовый проводил...
Один решил лесной тропою
Вернуться поскорей домой,
Друзья ж качали головою,
Но он в ответ махнул рукой.
И в лес вошел он, мрачный, темный,
С едва заметною тропой,
А контрабас свой преогромный
Взвалил на спину наш герой.
Осенний ветер, злой холодный,
Шумел поблекшею листвой,
Порою путь ему свободный
Пень заграждал, иль сук большой.
А буря быстро надвигалась,
Весь содрогнулся лес густой,
Со стоном, ревом вглубь ворвалась
Кружа листву над головой...
Деревья яростно качались,
А лапы елей за спиной,
Порою к струнам прикасались,
Гудел инструмент, как живой...

Назад решил бежать бедняга,
Тропа исчезла в темноте...
Сапог прорвала, вдруг, коряга...
И разом стихло в высоте.
Он видит сделалось светлее,
Прошел немного, перед ним
Высокий дуб растет, правее
Костра большого едкий дым
Порой поляну закрывает,
На ней веселие царит,
Смех, говор, крик, скрипач играет,
Кларнет, как бешеный дудит...
Народ нарядный и отличный
«Здорово друг!» — ему кричат,
Его ж смущает непривычный
Без жизни их стеклянный взгляд...
Скрипач кричит: «Наддай-ка жару!»
И контрабас в ответ взревел,
Не отличить от пары пару,
Всех вихрь пляски завертел...

Но больше всех была в ударе
Красотка Лиза из села,
И танцевала, как в угаре,
Легка, беспечна, весела...
Народ собрался всё богатый
Червонцы сыпали в карман,
Наш музыкант нуждою смятый
Благодарил, был словно пьян...
Весельем пьян, любовью, пляской,
Забыл о вечной нищете,
Следил за Лизой с тихой лаской,
И отдаваясь мечте
К ней подошел, пустился в пляс с ней
(Давно он девушку любил)
Тихонько о любви шепнул ей,
Вблизи любимой мир забыл...
Со вздохом тихим, едва внятным,
Она сказала, что отец
С купцом богатым, старым, знатным,
Велел идти ей под венец...

В немой тоске под дуб высокий
Лег музыкант на мох сырой,
И скоро сон его глубокий
Окутал, словно пеленой...

Проснулся только на рассвете,
С просонья широко зевнул,
Свой контрабас нашел при свете,
На дуб рассеянно взглянул,
Взглянул и замер, пошатнулся . . .
На белом, шитом кушаке
Висела Лиза . . . Сук согнулся,
Коса белела в полутьме . . .
Он по глазам провел рукою
(Червонцы с ночи в ней держал)
Но вместо них златой волною
Засохший лист к ногам упал . . .
И понял он, что с мертвецами
Всю ночь безумец пировал . . .
Самоубийцу — Лизу — снами
В тоске любовной провожал . . .
О дуб оперся он рукою,
На мертвый лик в тоске смотрел,
Поник со стоном головою . . .
И труп над ним во тьме белел . . .

КУКОЛКА

(Судьба беженки)

На свете куколка жила,
Ну прямо чудная была.
Таких вы кукол не видали,
И даже в сказках не встречали.
Лицом, фигуркой — статуэтка,
Чуть-чуть насмешлива, кокетка,
Умела строгой дамой быть,
Страдать умела и любить.
Любила книжечки читать,
И грациозно танцевать,
Душа в ее глазах сияла
Когда несчастным помогала.
Играла «Лунную сонату»,
Вам спеть могла всю «Травиату»,
Не кукла — прямо Человек,
Каких не сыщешь в целый век!..
Откуда куколка явилась?
Об это разно говорилось:
Кто говорил — из стран приморских,
Кто думал — из степей приволжских,
Кто говорил — что из Литвы,
Эстонок были в ней черты.
Кто уверял, что раз видал,
Когда у «Шварца» пировал...
И очень много говорили,
Что немцы кукол увозили...
Стал «Адольф» в куколки играть,
Ну и давай к себе таскать...
А дед московский говорил
(Он куклу всей душой любил),
Что кукла просто убежала,
Когда раз волка повстречала.
Волк зубы страшно оскалил,

Бедняжку вдаль бежать заставил...
Печальна куколки судьба,
Мне в том поверьте господа!
Итак, в Германию явилась,
И там надолго поселилась...
Сначала ей жилось привольно,
Лишь на душе ей было больно...
(Душа у куклы тоже есть,
А не опилок просто смесь).
С ней все играли, любовались,
Давали кушать и смеялись.
Кругом все пели, веселились...
Вдруг бомбовозы появились...
И день и ночь сирены выли,
В подвалы все гурьбой спешили,
Чтоб жизни ценные спасти,
И скарб домашний унести.
А кукла где? Никто не знает,
А если кто найдёт, швыряет
Ее то в угол, то под стол,
Никто не слышит куклы стон...
А кукла плачет и рыдает,
Родных с тоскою вспоминает,
Одна, без сил, в одном чулке
Валялась год на чердаке...
Изголодалась, похудела,
Ослабла, сердцем заболела...
Детишки раз ее нашли,
С ней к доктору гурьбой пошли.
Он грудь больную ей зашил,
Но душу подлечить забыл...
(Душа у куклы тоже есть,
А не опилок просто смесь!)
И вдруг настали счастья дни!
Заискрились, как звезд огни...
Пальто у куколки на вате,
Пьет кофе в шелковом халате...
Вновь сигареты в портсигаре,
И пьет вино в прекрасном баре...
Теперь не стонет ее ротик,
Когда пустой болит животик...
Теперь там булки, мармелад,
Поверьте, даже — шоколад...
Откуда счастие пришло?

Из стран заморских приплыло...
Ей люди с сердцем помогли,
Те, что завет Христа блюли.
    Увидел шваб вдруг сигареты,
Узнал, что ест она конфеты,
Не стал ей сапоги чинить,
Велел ей чаем заплатить.
Портной лишь шьет за сигареты,
А прачка требует конфеты,
Что кукла в дом ни принесет,
Все завтра «нацик» заберет...
Решила платья уж не шить,
Но стыдно голенькой ходить.
Хозяйка просит за квартиру
Какао, кофе, масла, сыру,
Уж кукла так и сяк считает,
Всё из долгов не вылезает.
Сидит вновь кукла «на бобах»
И в сердце вновь за жизнь страх...
    Зато «шваб» кушает конфеты,
И курит «Кемель» сигареты...
Уж кукла больше не смеется,
Слеза застыла, уж не льется...
Душа болит, в ушах шум, звон,
Обиды, грязь со всех сторон...
    (Душа у куклы тоже есть,
    А не опилок просто смесь!)
Уехать куколка решилась,
И прямо к консулу явилась,
О горе рассказать хотела,
Но, вдруг на «Шваба» налетела...
Ее не косул — «Нацик» встретил,
«Не годна?» «Брак». «Слаба» отметил.
И даже крикнуть не успела,
Как, вдруг, в «помойку» полетела...
А «Нацик» сунул в рот конфетку,
Поднес Шарлоте сигаретку...
Прекрасной куклы след простыл,
Ведь образ был ее так мил...
    Вам жалко куколку, конечно,
    Благодарю за то сердечно!

ПЕРВАЯ МИЛОСТЫНЯ

(Воспоминания детства)

Мороз . . . Дрожат на стеклах легкие узоры. Я у окна, любуюсь хрупкостью и красотой линий. Вот замок предо мной, вот рыцарь, вот боярин. Там хоровод прекрасных, юных фей. Так без конца изменчив и богат рисунок . . .

Прозрачно, холодно, безмолвно небо. Деревья в серебряной парче, нежностью узора приковывают взгляд. Мне в комнате тепло уютно, хорошо. Дверь в большую столовую закрыта, туда детей сегодня не пускают. Там старшая сестра и брат Сережа украшают ёлку. Я знаю, мне подарят книгу (я просила) и целый театр со сценой, декорациями и артистами. Ах, только б не забыли! Вдруг дверь скрипит и в комнату входит няня. Вместе с нею комнату наполняет смешанный запах ёлки, кухни и пряников. Она дает мне гривенник и просит сходить за газетой. Я одеваюсь и бегу.

Холодно! . . Наверное завтра будет двадцать градусов мороза. Обидно, ведь к нам должны были бы приехать дети на ёлку. Бегу. Подпрыгиваю, зажав в руке кошелек. Вот сидят на заборе воробушки. Нахохлились, спрятали клювики и дремлют. Как мне жаль их, так хотелось бы согреть их и накормить! А что это? У забора сидит старушка. Сгорбилась, крестится дрожащей рукой и шепчет еле слышно: «Подайте, Христа ради!» Беру свой кошелек. Там гривенник, его отдать не смею. Ах, счастье, три рубля, их папа подарил мне за успехи в школе. Даю их старушке и поскорей бегу, чтобы исполнить порученье. А в сердце боль. Почему сидела у забора? Ведь завтра Рождество! Есть ли у ее детей игрушки? Почему на ней только всё такое рваное? Без рукавиц на таком морозе!

Вдруг слышу крик: «Остановись!» Смотрю, идет ко мне старушка и деньги мне обратно отдает.

— Ты, девочка, наверное не знаешь счёт деньгам, и дома побранят тебя родные.

— За что?! Они мои, их вам я отдала, их папа подарил мне, и он за это не накажет.

Взяла и трижды, вновь, перекрестилась.

— То, значит, Божья воля!» — тихо прошептала и ушла...

Ушла... А сколько их бездомных, слабых, одиноких ждет Божьей воли с отчаяньем, надеждой и смиреньем?.. Одно сознание этого такую горечь в жизнь вносит. Но в сердце луч надежды все ж блестит, что вера в Бога в сердцах забытых и убогих так сильна, что в испытанья час она направит их и, верю, силы подкрепит и с помощью нежданною придет!

***

О, если б можно было всю скорбь людей,
все слезы мира собрать и унести за грани бытия!

***

Сказка в сердце отзвенела,
Нет надежды, песен нет.
И душа заиндевела
Ночь вокруг... Далек рассвет!..

СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ???

Тяжелое было время, страшное. Не было покоя ни днем, ни ночью. Бомбовозы, словно галки на перелёте, чернели в воздухе. Редко, если час можно было провести спокойно, что-нибудь сварить и передохнуть от грома взрывающихся бомб, гула и треска разваливающихся домов и строений. Люди метались по улицам, не зная куда бежать, где спрятаться: в каком ближайшем бункере. Многие не имея возможности добежать до ближайшего подвала, прятались в подъездах домов, под мостами.

Вот под одним из железнодорожных мостов спрятались, во время бомбежки, случайные прохожие: две русские девушки-работницы привезенные немцами из Советской России и две старушки. Налёт был ужасен. Казалось, что кругом всё горело, сыпалось и трещало... После каждого оглушительного взрыва и гула разорвавшейся бомбы обе старушки молились, осеняя себя крестным знамением, а у советских девушек, воспитанных на основах комсомольской пропаганды безбожия, эта молитва вызывала удивление и беспечный, молодой смех. Они говорили: «Бабушки, чего вы молитесь и креститесь, всё равно не поможет. Если бомба в мост ударит, так не только от нас, но и от моста ничего не останется».

После каждого взрыва бомбы, они повторяли свои шутки. Но вот оглушительный удар, чёрное облако дыма освещённое отсветом красного пламени и сильный удар воздуха со страшным грохотом повалил обеих девушек на землю... Когда они пришли в себя, то увидели, что обе старушки мертвы и почти рядом с мостом разрушено до основания большое серое здание.

Наконец страшный шум и грохот сменились звенящей тишиной... Налёт прекратился. Девушки вернулись на фабрику, где они должны были работать.

Успокоившись от испуга они с ещё большими шутками передавали знакомым, как Бог, Которому молились старушки, видимо из-за страшного шума не смог их расслышать и они погибли, а вот они обе и без молитвы живы остались. К чему же тогда молиться?

Прошло много времени и однажды, когда девушки рассказывали вновь эту историю, среди слушателей оказался старый священник.

Выслушав, их он сказал:

— Бедные вы мои девушки, как много у вас отнято этим безбожием! Вы даже не знаете всей премудрости Божией, не понимаете всех дел Его. Господь, как лучший садовник, срезает плоды поспевшие. Вот эти старушки были, как созревший колос на ниве Господней и Господь срезал их. А вам дорогие мои, многое ещё надо пережить, перестрадать и понять в жизни, чтобы смиренно склониться перед Его великой мудростью. Вот поэтому-то вы и остались живы, чтобы на жизненном пути вы смогли бы почувствовать Его руку ведущую, чтобы через страдания открылись ваши очи духовные.

***

Вечер спит . . . Мерцают звёзды дальние,
Только там, в далёкой полутьме,
Мнятся вздохи тяжкие, печальные,
  Слышны стоны в полусне . . .
Это плач земли, глухой, страдающий,
О былых, далёких светлых днях,
Когда Правды луч горел сверкающий
  В чистых, пламенных сердцах . . .
Стонет мир, во тьме грехов блуждающий,
Об ушедшей Красоте скорбит,
А пожар страстей испепеляющий
  Вышел из земных орбит . . .
Долг, любовь, на Бога упование,
Попраны безумцами во прах,
Их не манит больше свет познания,
  И людей объемлет — *Страх!*

НЕ СКАЗКА, А БЫЛЬ

Ну и времечко же было! Ужас! Только и слышишь: «Здесь сожгли, там ограбили, ничего в хате не оставили!... Тут белые прошли, последнее им отдали, так жаль их было полуголодных, измученных, а там красные все сожгли, остались одни трубы да стены»...

Ужас кругом! Каждый, не только всех, но и сам-то себя стал бояться. Больных же тифом счету нет, да и конца не видно! Вот такой-то «сотифозницей» и мне Бог привел сделаться. Лежала это я в так называемой Невиномысской больнице, это по Кавказской железной дороге. Было это мне тогда годков шестнадцать, сил бы, кажется, хоть отбавляй, а вот поди ты, после третьего тифа совсем обессилела, легка стала, как соломинка, кажется ветер подует так с осенней листвой в степь и унесет... А вот нет же, лежу словно каменная, ни рукой, ни ногой двинуть не всилах... Труп да и только! Одна разница, что в больничном халате, а не в саване, как по форме полагается.

Время то, известно, смутное, а тут еще вблизи, в горах за кустарниками, белый генерал с отрядом прятался. Народ-то жалел их, ведь голодали они да страдали, не дай Бог никому так! Народ помогал им, чем только мог. Только уж очень красные не взлюбили их. Говорят, изловить их решили. Ну где ж их изловишь все молодцы один к одному, а сам генерал словно чёрт был, ни живым, ни мертвым его не достанешь. Летит на коне стрелой, только огонь из-под копыт сыплется, а как окружат его да схватить вздумают, так конь-то на дыбы, пыль столбом, гром кругом, а оглянешься и нет никого... ни коня, ни генерала... Говорят, заговоренный был... Ничего не боялся!.. Да вот раз скверно вышло, да так плохо, что ни себе, ни людям не пожелаешь. Ну, говорить, так говорить все по порядку.

Итак, лежу это я у себя в палате. Жарища адская! Легко сказать, на улице сорок градусов да и у меня столько же; ну-ка подсчитай, сколько вкупе получится!.. Не позавидуешь! Вода в стаканах, да и сиделки, все испарилось! Уж порядок там такой, природа южная во всем сказывалась. Лежу это я тихо, спокойно, толь-

ко слышу больные что-то вокруг шепчутся. Вдруг одна из них возьми да и доложи мне: «А знаете, — говорит, — ни сегодня, завтра надо ждать наступления!» «Какого?» — говорю я. «А генерала белого забыли, что-ли? Красные сегодня ночью его изловить решили, Говорят, с пулеметами за мостом прячутся.

Лица у всех бледные, испуганные, все толкуют: кто куда спрячется. Иные уж и халаты снимают да пожитки собирают: к родным отправляются. Ну, а кто послабее да родных нет поблизости, так те — кто в погреб, кто на чердак решили спрятаться. Ну, а мне-то, что прикажете делать? Родных за триста верст ни души, сама лежу, как мумия, правда не египетская, а так «домашнего производства» без саркофага и в халате с заплатою... Да, лежу это я и думаю: каждый за себя, а Бог, говорят, за всех! Как придут красные солдаты, так соберу последние силы да и скачусь под кровать, авось в суматохе-то и не заметят, а потом как зажгут все кругом, так, даст Бог, и сгорю как свечечка, благо высохла, как щепка лучинная... Целый день так, как перед грозой, было... Говорят все тихо, лица бледные, не идут, а плывут, половица под ногой не шелохнется, а у каждого в груди буря скрытая клокочет...

Так и ночь подошла, темная безлунная... Тишина в палате... Лампочка горит коптилочка, что глазок мышиный... Гарь и чад, как в кузнице! Больные, кто спит, кто бредит, а я лежу да от бессоницы во тьму гляжу и думаю: как от лишних мук избавиться... Не знаю, не то забылась я, не то от слабости мысли нить порвалась, только, словно кто разбудил меня. Слышу в соседней, мужской, палате шум какой-то... Вслушиваюсь, а там уж крики: «Лови его! Держи!» — «Сам держи, кусается!... Заходи справа!.. Ну, ребятушки, дружно!..» Слышу, поросята визжат, гуси гогочут, а тут петух к нам через открывшуюся дверь влетел. Мечется по палате... С перепугу на графин налетел... Тот вдребезги!.. Он дальше, да на лампочку-то и сел!.. Тут нас всех тьма египетская так и накрыла... Ну, думаю, как же это я не умерев, а уж в ад не спросясь вскочила?!.. Больные проснулись, с перепугу мечутся... Ну, думаю, началось!.. Налетели, значит, красные, да за птичий двор принялись... С голоду того и гляди и за нас примутся, не разберут, что у нас

только и осталось, что кожа да кости гуммиарабиком склеенные... Больные кто плачет, кто крестится; соседка моя по-турецки молится, а один тифозный больной с перепугу с курами так и кудахчет!... Ад кромешный да и только!...

Вдруг слышу: «Ну, слава Богу, всех поймали и в корзинку спрятали, только петуха поймать трудно. Свету дайте!» Вижу, сиделка и санитар в соседней палате огонь зажгли и к нам идут со свечой, петуха ловить, а он, бедняга, с перепугу на шкафу сидит и трясет его, как тифозного!... Больные же к сиделке: «Ну, что же это — наступление? Грабят уже?» А сестра смеется: «Никаких красных нет, а просто один больной оскандалился». Ну рассказала нам презабавную историйку.

Больной этот все время боялся умереть с голоду, ведь кормили нас неважно: «суп и каша нам в обед, ждали в ужин тех же бед». Бедняга же, видно, любил покушать, хотя был как одна из тощих коров фараоновых, сколько ни ел, всё невесомый вид имел... Попросил это он родственников привезти ему чего-нибудь съедобного, да такого, чтобы долго не портилось, скажем так, сроком месяца на два. Ну вот ему и привезли курочек парочку, да поросеночка, да парочку гусей, петушка, посадили рядышком в корзиночку да под кровать от сиделок и спрятали... Но вот грех-то какой, не то петушку, не то поросеночку захотелось во сне потянуться сладко, да вдруг тесно стало, начал он возиться да барахтаться, а за ним и весь птичий двор потревожился... А как выглянули из корзины-то на свет Божий, так и давай гулять на свободе, а тут, по милости петушка присевшего на лампу, свет-то вдруг и прикончился! Тут-то они совсем всполошились, ну, прямо, из-за пустяка ночную тишину и порядок нарушили... Говорят: «Их бы ко взысканию, да где же тут взыскать, когда и самих-то не сыскать!..

Смеху потом было, разговору, а когда успокоились, то и решили, что так вот и в жизни бывает, что из зернышка дуб вырастает, да из мухи слона делают, и никто не удивился, что у одного больного потом температура 95,5 оказалась, да и не мудрено, с перепугу-то ещё и не то покажется!

(Ст. Васюринская).

НЕ ПОНЯЛИ

(Воспоминание. Ст. Васюринская)

Золотою россыпью горели звезды в темно-синем небе. Тьма черною непроницаемою завесой скрыла затихшую к ночи степь. Ни шелеста, ни шума, ни ветерка. В фруктовом саду отцветали персики и абрикосы. Лепестки их бесшумно, трепетно-белым дождем спадали на землю... Как хорошо, как бесконечно радостно было смотреть на яблони и груши сверху до низу обсыпанные белыми цветами, словно одетые в светлые пасхальные ризы. Я и моя подруга Вета долго сидели у раскрытого окна и казалось нам, что не сад перед нами, а священная роща далеких, забытых времен, в которой среди глубокой ночи собрались к тайне жертвоприношения юные девушки в светлых одеяниях. Затаив дыхание, словно боясь спугнуть видение, мы молча любовались, а тишина ночная нам ворожила сказки бесконечные...

Бывают минуты, когда не просто смотришь вокруг, а словно духовный взор наш настолько обостряется, настолько делается проникновенным, что видишь необозримые дали, словно проникаешь в бесконечную, тайную глубь мироздания. Да, заколдовала, заворожила нас эта ночь над темной Кубанью!..

Спать мы не могли, поминутно взгляд приковывали светлячки, яркими точками вспыхивавшие среди травы и в кустах. Они, как отблески зарниц, меркли и вновь горели вокруг...

— Ты знаешь, скоро рассвет, сказала я взглянув на потускневшие звезды. — Как я хочу встретить солнце, как хочу поцеловаться с его первым лучом!... Бежим в степь!..

И мы ушли. Шли по росе и нам казалось, что ночь собрав всю горечь и тоску, все слезы мира умчала их в степь, рассыпала росой, чтоб с утром ясным их вдаль

с собой умчал туман. Мы, бережно ступая, шли вперед, туда где тучи черной пеленой окутали весь горизонт . . .

Одна за другой гасли в небе звезды, даль тихо прояснялась . . . И была тишь вокруг, и ширь такая необъятная, как жизни путь широкая и непонятная . . . Вдруг ветерок ковыль колыхнул . . . Вся степь как будто ожила, как море стала волноваться, и тьму прорезав первый луч сверкнул, и полились огни дождем лучистым . . . О, чудо! Мы средь маков ярко-красных оказались. Кто посадил их здесь, не знаю. Согретые горячими лучами, они тянулись к солнцу, наклонялись, как будто перед светилом ниц склонялись . . .

Вокруг с жужжанием кружились мохнатые пчёлки. Вот казачка прошла, за нею казак с арбою проехал. Степь ожила, ее наполнили шум и скрип, и говор. Пора было идти домой. Как первый утренний привет, на память об этой дивной ночи, решили мы нарвать росистых маков. Мы шли домой как будто от *Причастья!*

Уж во дворе соседки кур кормили. Смотрели вслед качая головой и с упреком говорили: «Ну и молодежь теперь, Бог знает, где проводят ночи, домой приходят чуть заря». От себя хочу прибавить: действительно, лишь Бог один, да солнца луч, да степь широкая знают, как эту ночь мы с Ветой провели!

(См. стих. Вете-Вельш-Уальш, стр. 125).

ОНИ ТОЖЕ СТРАДАЮТ

Гроза удалялась... Редкие капли дождя падали с листьев. Сильные раскаты грома сменились тихим, словно усталым, ворчанием. Небо постепенно прояснялось и лучи солнца, вырвавшись из кольца туч, радостно сияли.

Возвращаясь со службы и переходя улицу я увидела прелестного серого котенка. Он так грациозно обходил лужи, что я невольно залюбовалась его природной грацией и вспомнила другого такого же серенького котенка, совсем еще маленького.

Было это давно. Я гостила у знакомых на даче. Мои друзья уехали ловить рыбу, а я осталась дома в обществе их любимой Дианы (так звали их большую красивую собаку). Углубившись в книгу я иногда поглядывала на то, как Диана, недавно лишившаяся щенят, ласково и любовно облизывала маленького серого котенка, которого она два дня тому назад откуда-то притащила. Я невольно заинтересовалась картиной материнской нежности, которая подтвердила мысль о том, как велико чувство материнства даже у животных. И вот, вероятно решив, что котенок достаточно ею обмыт, пригрет и обласкан, Диана, свернувшись клубком, устроила своего питомца, словно в теплом гнездышке, между своею грудью и лапами, и оба мирно уснули. Но вот, видимо во сне, котенок сладко потянулся и, вероятно расправляя лапки, случайно больно оцарапал Диану. Диана со сна, не зная в чем дело, но чувствуя боль, инстинктивно быстро оскалив зубы, словно ловя муху, перекусила хребет своему любимцу. О, это был ужасный миг!... Котенок вдруг прыгнул и завертелся спиралью, за ним прыгнула Диана и остановившись с широко открытыми глазами смотрела, как он ещё несколько раз обернулся вокруг себя и замер навсегда... Тогда тихо подойдя к нему Диана, осторожно взяв его в зубы, опять снесла к себе в корзину и начала тихо и ласково его облизывать... О, эти глаза! Я не могла их видеть, так как чувствовала, что из них вот-вот брызнут горячие, горькие слезы...

Да, бывают в жизни моменты, которые остаются в памяти на всю жизнь.

БЫЛЬ ВРОДЕ НЕБЫЛИЦЫ

Недавно, слушая разные небылицы, я невольно вспомнила рассказ, который я слыхала еще в детстве, и который врезался в мою память на всю жизнь. Рассказ этот своей неправдоподобностью хотя и похож на так называемые «Святочные Небылицы», но должна отметить, что это не сказка, а действительно так было. Рассказывал эту историю друг моего отца, медик, окончивший Военно-медицинскую Академию в С.-Петербурге. Итак послушаем, что он нам расскажет.

— Было это в то время, когда я учился в Медицинской Академии. Каждую ночь назначалось тогда несколько дежурных студентов, которые должны были оставаться там до утра. Итак, чтобы легче было бороться со сном, я и мои товарищи решили заняться картишками и, боясь налететь на старшего дежурного (от которого нам бы досталось за картежную игру), мы решили пойти в подвал анатомического отделения. Этот подвал был очень мрачный, большой и холодный. У стен его были длинные широкие каменные скамейки-выступы, где производились разные операции над трупами.

Вы, вероятно, удивлены и подумали: «Ну и выбрали местечко!» Для нас же это было самое подходящее место, так как нас бы там никто не побеспокоил, а к трупам-то мы давно привыкли.

Итак, придя в подвал, мы , выбрав одну из широких скамеек, отодвинули пару трупов в сторону, а третий посадили прислонив к стене и вместо подсвечника вставили ему в рот изогнутую восковую свечку и зажгли. И так, при свете импровизированного «канделябра» занялись картишками . . .

Не помню точно, сколько прошло времени, но один из нашей компании сказал: «Минутку, пойду-ка посмотрю, как там наверху, всё ли спокойно?» И ушел. Мы же продолжали игру. Но довольно скоро после этого, другой студент выразил свое неудовольствие тем, что его партнер так долго не возвращается и сказал, что пойдет за ним. Игра была прервана. Разговаривая, мы заметили, что огонь нашего «канделябра» как-то стал быстро мигать. Не успели мы понять в чем дело,

как покойник страшно вытаращил глаза, взмахнул на нас руками, зарычал и... плюнул свечку!... В кромешной тьме, не разбирая куда бежим, дрожа от страха мы оба бросились наверх.

Когда мы, белые как полотно, щелкая зубами подбежали к нашим товарищам, то и они, узнав в чем дело и не менее испуганные стали нас расспрашивать: «Ну, что он еще сделал?» «Ох, как было страшно! — повторял наш друг, который первый ушел. — Подумайте, пока мы играли, я невольно посмотрел на этого мертвеца и мне показалось, что он смотрит на нас дикими, удивленными глазами и, не желая пугать вас, решил уйти». Другой же студент, перебивая его, только повторял: «Он так на меня посмотрел, скорчил рожу мне, а потом вытянув шею, на каждого дико смотрел да еще подмигнул мне! Тут я не выдержал и ушел». Тогда мы рассказали, что было с нами и как он выплюнул свечку.

Наконец, когда мы немного успокоились, решили пойти посмотреть, что же это за страшное явление. Приходим со свечой вниз, а наш покойник сидит да ноги себе растирает, совсем как живой...

Но вот, и выяснилось потом всё. Оказ.ывается, в мертвецкую он попал «мертвецки пьяный». Его подобрали на улице в двадцати пяти градусный мороз, решив что он умер. Сам же «покойник» вот что нам рассказал: Ничего не понимаю, — говорил он. — Были это мы с друзьями в кабачке, хорошо выпили и вдруг вместо «теплой компании», смотрю, вокруг меня мертвецы застывшие лежат. Что за оказия, думаю, как это я не спросясь раньше времени в ад-то попал? Да, смотрю, одни смирно лежат, а другие в карты играют. Стал приглядываться, да это же господа студенты развлекаются. Страх-то мой и прошел, особенно когда я заметил, что один из них сам-то меня испугался. Ну, думаю, задам же я им перцу! Ну и давай рожи страшные корчить да подмигивать, тут и другой со страху, давай Бог ноги, бежать, а под конец взял да для пущего страху свечку-то и выплюнул»...

Ну и смеялись же мы все потом, а «покойник»-то наш громче всех, так что окончательно согрелся и уж наверное в своей «теплой компании, вдоволь посмеялся со своими друзьями над былью вроде всякой небылицы.

КОТОРЫЙ ЖЕ?

(Рассказ-фантазия)

Яркой вспышкой среди ночи летит экспресс... Стук колес и шум локомотива нарушают тишину... Поля, селенья и горы остаются позади поезда, а он с неудержимой силой рвется вперед!... Куда? К чему? К каким сверкающим далям?.. Какая сила рванула его вперед? Воля ли тех, что сидят в ярко освещенных вагонах удобно устроившись на мягких диванах, или же та вечная сила, которая направляет всё живущее, превращая его в один общий поток не знающий какие преграды ждут его в пути к намеченной цели...

Какое разнообразие лиц, национальностей, мыслей, чувств и желаний! Так, например, в купе первого класса сидят трое. Высокий стройный блондин с откинутыми назад волосами, стальным взглядом смотрит прямо перед собой. Сколько красоты и силы в его спокойных и уверенных движениях, но несмотря на это чувствуется незаурядная, страстная и широкая натура, дисциплинированная сильной волей и редко встречающимся чувством меры... Строг и изыскан его дорожный костюм. Трудно определить его национальность; но по чёткости профиля, затененного козырьком спортивного «кэпи», по сухости его фигуры и всей стальной упругости тела, его можно принять за иностранца. Второй vis-à-vis его полная противоположность. Небольшого роста, весь порыв, весь движение, с темными горячими глазами и с шевелюрой таких же темных волос, он поражает в то же время какой-то мечтательностью во взгляде и нервностью тонких, сухих рук. Рядом с ним лежит футляр со скрипкой, что определяет его артистическую натуру. Третий, высокий хорошо сложенный блондин с заметной сединою, хотя по возрасту, видимо, не старше своих соседей, производит впечатление надломленного, много пережившего человека. Скорбные складки у углов рта, резкая прямая черта пересекаю-

щая высокий лоб, какая-то беспомощность движений, все говорит о том, что много тяжелых и горьких улыбок выпало на долю этого человека, хотя, видимо, и его спутников жизнь тоже не щадила, оставив и на их лицах свои четкие, глубокие и неизгладимые следы...

Тихо в купе, только шелест переворачиваемых при чтении страниц, да голубоватые кольца дыма указывают на присутствие людей. Брюнет быстро открывает портсигар и нервно постукивая папиросой о его крышку закуривает, часто и глубоко затягиваясь, видимо забыв об окружающих и совершенно отдавшись захватившему его потоку мыслей... Аромат хорошего английского табака и дым трубки его соседа так же спокойно и уверенно, как и их обладатель, смешивается с запахом папирос, и сизой дымкой стелется вокруг. Третий не курит; но видимо дым его не беспокоит, так как он поглощен чтением только что вскрытого письма...

Станция. Минутная остановка и поезд снова рвется вперед! Движение у двери, звук открываемого замка, и, в сопровождении проводника, в купе входит миловидная дама. Строгий дорожный костюм, маленький чемодан, сумочка и дорожная вуаль, вот все то, что промелькнуло перед взорами сидящих... Место — рядом с огоньком дымящейся трубки и напротив углубленного в чтение. Движение, замешательство, просьба о разрешении курить и снова тихо в купе... Молодая дама как-то быстро и уютно устроившись на диване, сбросив лайковые перчатки себе на колени, ловкими и нежными пальцами сняла вуаль. Лицо открытое, молодое, улыбающееся какой-то внутренней улыбкой женственности, с грустными карими глазами, отразилось в маленьком зеркале... и...

— Неужели это вы, Татьяна?! — вскричал ее сосед, приподнимая кэпи.

— Нет, здесь не может быть ошибки, это же вы, только вы! — вскричал, заволновался и как-то порывисто встал, отбросив папиросу, брюнет.

— О! Боже, да что же это? Как вы сюда попали? — как-то по-детски растерянно вскрикнул третий, уронив письмо на пол и не замечая, что топчет его ногами.

— Да, это я. Но почему вы все вместе? — невольно сказала дама.

— То есть, как вместе? — в один голос сказали они.

— Нет, я ничего не понимаю, вы знакомы сэр Уальш с господином Волжиным и с господином Бояновским?.. Или это просто игра случая, что вы все вместе? — снова заволновавшись воскликнула дама.

— Ха, ха, ха, нет это мне нравится! — смеясь сказал сэр Уальш. — Теперь я начинаю понимать; но ведь это редкое совпадение, что трое совершенно незнакомых людей встречают ту, которую... — тут он резко прервал свой смех и с силой пожал руку растерявшейся дамы и склонившись поцеловал ее.

— Да это же из миллиона один такой случай! — воскликнул Волжин, почтительно целуя ее руку.

— Я до сих пор боюсь верить, что это вы! — сказал третий, как-то робко и бережно склонившись к ее руке.

— Да, действительно, что-то фатальное в этой встрече, — сказала дама, — ведь столько лет я никого из вас не видела, хотя в наш исключительный век и не такие возможности могут встретиться. Например вас, сэр Уальш, да и вас Бояновский уж пятнадцать лет, как я потеряла из виду, а вас почти семнадцать лет, как не встречала, как же вы узнали меня? Неужели же время так мало изменило меня? Ведь я тогда была молодой девушкой, а теперь так много прожито и так много пережито... — и невольно смолкла под наплывом воспоминаний.

И снова тихо в купе... Минута!.. Но какой ураган мыслей и воспоминаний пронесся в голове у каждого за эту минуту!... Оправившись познакомились, и завязался общий разговор: о погоде, о направлении пути, о дорожных впечатлениях, а о прошлом ни слова...

— Вы едете в Берлин?

— Я то же.

— И я тоже.

— Так, видимо, всем вместе путь коротать!

— Как изменились вы, я бы вас не узнала, — сказала дама, обращаясь к Бояновскому. — Я до сих пор не знаю, женаты ли вы или нет.

— Конечно нет, то есть нет, — как-то смутившись и робко взглянув на нее ответил Бояновский.

Невольно двое других взглянули на него и мысленно отметили: «Ах, вот как!» И взгляд как-то насторожился.

— Разрешите курить? — спросил Волжин, обращаясь к даме, и не дожидаясь ответа быстро закурил и сделав две глубокие затяжки откинулся на спинку дивана.

«Чёрт возьми! ведь мне так много надо сказать ей, — думал сэр Уальш. — А тут еще эти господа», — и посмотрев на часы, видимо не зная, что предпринять, вышел из купе. Дама спасла положение, заметив что почти двенадцать часов.

— Как время-то идет? Почти двенадцать! — воскликнула она.

— Вы, вероятно, устали? — с каким-то бережливым участием спросил Бояновский и, пожелав спокойной ночи, вместе с Волжиным вышел из купе.

Воспользовавшись их отсутствием дама прилегла на диван и скоро полумрак окутал купе... Если бы стены могли слушать, как много мыслей им пришлось бы уловить в эту редкую, неповторимую ночь!... Вернувшись в купе и расположившись на ночь, каждый был захвачен потоком дум и воспоминаний...

«Это же невероятно, что она, Татьяна, здесь! — думал сэр Уальш, плотно сжав губы и закинув руки за голову. — Сколько лет, как я потерял из виду эту милую девушку, эту жизнерадостную хохотушку!... Какие у нее грустные глаза! Ну, да понятно, ведь столько тяжелого выпало на ее долю, и в то же время я так мало знаю, ведь она не могла, не успела всего сказать мне!.. Зачем ушла?.. Как тоскливо, как пусто было без нее!... Любила ли она своего мужа?.. Неужели же она до сих пор не понимает, не переменила своего мнения обо мне? Вот она здесь, внизу на диване, по-прежнему далекая и... да, как прежде желанная... А жена? А ребенок? Нет, я должен с нею говорить, должен же наконец выяснить этот ужас!.. Почему Бояновский стал так бледен при ее появлении? Почему так путался и смущался говоря с нею? Сколько любви и скорби в его глазах! Да, да, любви, я же это видел!.. А второй тоже хорош! Сам не свой стал, видно тоже накипело! — закрыл глаза, словно боялся выдать свою тайну. — Татьяна! А ты-то что же? Неужели я тебе безразличен? Ведь было же время, когда в каждом движении, в каждом слове и взгляде сквозила чистая и глубокая девичья любовь и я потерял ее по своей вине,

или?.. Да, вот тут-то неразрешимая загадка!.. Так нельзя, я должен выяснить, я должен поговорить с нею сейчас же! Да, но ведь ночь же! Видно, спит она и не знает моей муки!.. Еще эти господа здесь, надо же быть такому случаю. Тоже, видно, не спят. Бояновский лежит тихо; но нет, не обманешь, во сне так быстро не дышат!.. Сердцу-то, видно, неспокойно. Может быть это только фантазия? Нет, вот и Волжин опять привстал, как смотрит-то на нее, глаза так и пылают... Опять пошел курить!... Почему лицо Бояновского мне так знакомо? Не у нее ли, незадолго до ее отъезда, я встретил его?... Боже, а какая в тот день была метель!.. Ужас! словно сама природа препятствовала нашей разлуке!.. И она ушла, пропала, словно последний яркий луч в хлопьях белого пушистого снега!.. — и снова поток воспоминаний... Тяжелые, горькие минуты прощания... Ее отъезд и пустота последующих дней!.. — Хотел забыть ее, но нет, таких не забывают!.. Да, во что бы то ни стало я должен завтра поговорить с нею!... Ну, и ночь же... Пытка!..»

А в коридоре, глядя на темный блик окна, но ничего не видя стоял Волжин. Нервно куря папиросу за папиросой он думал, вспоминая темные, южные ночи... Ведь началось всё шуткой, а потом захватила, закружила и ослепила налетевшая страсть!.. Не он, а она, оказалось, смеялась над его чувством. Сколько бессонных ночей выпало на его долю... Искал забвения в музыке, но рыдающие звуки скрипки еще больше разжигали тоску неудовлетворенности... Милый девичий образ звал и манил за собою!... Сколько гибкости и красоты было в ее движениях! Какая гамма глубоких, но еще неосознанных чувств отражалась на ее подвижном личике... Вот она у окна... Пылают зарницы... Темный сад манит ночною прохладой... Он рядом с нею, полон любви и страсти, но не смеет сказать, так как видит, что она вся ушла, вся растворилась, вся слилась с окружающей ночью... А прогулки в степи, их первый поцелуй зажегший в нем бурное пламя всепоглощающей страсти... А она? Да, она открыто смеялась, говоря о любви. Быть может это была маска скрывавшая настоящее чувство, иначе она бы проиграла. Ведь все же началось глупою шуткой... Да, он был ее рабом, ее тенью... А она в своей еще детской

прямоте и простоте влекла и опьяняла его до безумия... И вновь плывут воспоминания... Вечер... Измученный и усталый в борьбе с захватившим его чувством он решил сказать ей всё. Это последняя ставка, так как через неделю она должна вернуться к родным или же навсегда остаться с ним. Говорил быстро, отрывисто взволнованно... Как больно, как тяжело было, когда под маской шутки спросил: «Вам даже, наверное, безразлично было бы, если бы я послушался матери, исполнил ее желание и женился на м-ль Н.?» — «Ну, конечно, мне всё равно», — было ответом, и тогда измученный и обессиленный в борьбе со своим чувством и ее упрямством, он склонил голову к ней на колени, молча молил о пощаде... Как тихо, как незабываемо нежно она перебирала его волнистые волосы... Потом, потеряв всякую надежду, он сдержал слово, женился ровно за три дня до ее отъезда... Начались испытания, нелады с женой, тоска по ушедшему и наконец эта ужасная попытка к самоубийству... К чему? Зачем? Разве вернешь потерянное? Волен ли человек в судьбе своей? Быть может и она теперь жалеет о прошедшем? Может быть и она прошла мимо того к чему влекли ее юные мечты?.. И снова поток воспоминаний... Так хочется поговорить с нею, вспомнить былое, но при создавшейся обстановке так трудно это выполнить. Словно это непросто встреча со знакомыми когда-то людьми, нет, здесь чувствуется что-то бóльшее. Удивительное и непонятное отношение к ней спутников. Словно неуловимая нить чувств и воспоминаний связывает ее с этими людьми. Что было между ними? Быть может я здесь лишний? Уйти? Забыть? Но почему судьба устроила эту встречу? Вот сейчас, глядя на ее лицо, на ее по-детски приоткрытый ротик я почувствовал, что меня, как и прежде, влечет к ней какая-то непреодолимая сила... Любила ли ты меня? Взволновала ли тебя эта встреча? Что бы я только не дал, чтобы узнать то, что так долго, так мучительно долго, терзало меня. Но надо следить за собой! О, нет!! Теперь-то, в присутствии этих господ, я уже не выдам своего чувства! Какая самоуверенность у сэра Уальша, и в то же время чувствуется, что это не так легко ему дается! Да, что-то непонятное сегодня, или я слишком

взволнован, или действительно судьба сыграла со мною редкую шутку!...

Тихо, почти не дыша, лежал Бояновский на диване. Он словно боялся, что малейшее движение может вспугнуть действительность. Он чувствовал себя, как человек, который затерявшись в знойной пустыне вдруг увидел перед собой оазис. Но не мираж ли это? Так страшно обмануться! Какой смертельный ужас при мысли, что это, быть может, последняя злая ирония судьбы... Ведь вся его жизнь прошла, как одинокий путь среди мук, тоски и отчаянья. Как мало светлых дней выпало на его долю... Детство, юность, яркий луч блеснувшего счастья, и всё сорвано, всё исковеркано рукой безжалостной судьбы!... Невольно вспомнилось ему знакомство с Татьяной. Вот ее милое, улыбающееся лицо в рамке волнистых каштановых волос. «А вот это моя дочурка!» — как сейчас звучит голос ее отца. Их старый барский дом вблизи от столицы, тенистый сад, вокруг цветы охраняемые заботливой рукой, несмотря на то, что тяжелое послевоенное время уже сказывалось во многом. Он студент последнего курса, она, только что вернувшаяся с юга после перенесенного тифа, с темными бликами под глазами, хрупкая и нежная, как первый весенний цветок, которого еще не коснулись житейские бури. А сколько их впереди?.. Кто мог подумать, что этой страстной впечатлительной натуре предстоят тяжелые испытания. О, как скоро они сказались! Сколько бессонных ночей провела она за работой, переписывая лекции чтобы поддержать своих старых родителей. Вот она в саду поливает цветы и ее звонкий, чистый голос так приятно ласкает слух. Как много света, веселья, ласки и какой-то жизненной силы было присуще этой маленькой, хрупкой, но удивительно стойкой девушке. Вот настало время тяжелых испытаний, время недоеданий, тяжелого физического труда, а она то бежит пилить дрова, то несет воду, желая хоть сколько-нибудь помочь старенькому отцу... Сколько раз, достав белого хлеба, он делил с нею по вечерам свою скромную трапезу, какие уморительные гримасы она строила предвкушая предстоящее «пиршество»!

А вот она с бубнами на домашней вечеринке, захватила, закружила всех в неудержимом потоке ве-

селья!.. Но почему, потом, так редко звучал ее смех, почему садясь к роялю она не как прежде играла, а музыка ее стала какой-то надорванной, порывистой, печальной, а временами вдруг прорывалась неудержимым и бурным весельем? Он не мог спокойно спать, чувствуя что с нею происходит какая-то резкая и, видимо, мучительная перемена. Как скрытная натура она, очевидно, боролась одна; но, видно, ей это не легко давалось. Так хотелось поддержать, помочь этому еще полуребенку, видимо растерявшемуся перед какой-то грозной и серьезной жизненной задачей. Ведь кругом надвигались грозные тучи тяжелых событий, окружая намеченные жертвы, которые редко кому удалось избежать в то тяжелое время. Но как подойти к ней, к этой скрытной, вечно смеющейся, хотя бы сквозь слезы, натуре. Что бы он не дал, чтобы узнать, помочь, или уберечь от тяжелой минуты? И что-то свершилось. Какая-то страшная жизненная тайна исковеркала этот хрупкий и нежный цветок. Да, он знал, что страшное редкое нравственное переживание потрясло эту чуткую душу. Тут какая-то тайна, какое-то зловещее сплетение обстоятельств, в которое ее как в паутину затянула эта незабываемая тяжелая полоса жизни... И этот почти ребенок все перенес без стона, без жалобы, затаив в себе страшную тайну... Всю жизнь он упрекал себя, что не сумел помочь, уберечь против тех сил и обстоятельств, которые властвовали тогда, в то тяжелое, неспокойное время.. Лишняя жертва. Счастье, что она-то сама осталась цела и невредима, если не считать той нравственной пытки, которая выпала на ее долю... Замкнутая, серьезная и сосредоточенная она потом не долго пробыла дома... Ее отъезд, снежная буря... Вот странички воспоминаний...Их первый и последний поцелуй в вагоне перед станцией, и жизнь его кончилась, сменившись бесконечной мукой отчаяния... Ее неудачное замужество. Письма полные тоски и неудовлетворенности. Смерть ее родных. Все так больно, так тяжело переживалось им. Сколько горьких дум и мук сделали его ночи бессонными. Ранняя седина, словно снежный покров над умершими грезами, посеребрила его волосы...

Пустынен и одинок стал его жизненный путь. Вначале редкие письма, потом совсем прекратились и он

потерял из виду то, что так мало знал, но что оставило яркий, неизгладимый и мучительный след на всю его жизнь. Как единственной милости судьбы он ждал встречи с нею, чтобы сказать то, в чем юношеские уста не решались, не смели признаться!.. Да и что он мог сказать ей тогда, когда она была невестой другого? Да, она здесь! Не бред ли это больной, усталой мысли? О, нет! Это не бред, ведь здесь же и тот, которого он встречал у нее. Как тогда он видит здесь глубокое и неподдельное чувство! А она-то?.. Неужели вся моя жизнь была ошибкой, самообманом слишком любящего человека?.. Узнать, чтобы там не было, а потом хоть умереть, так как лучшего мне нечего ждать!.. Но, Боже, сколько счастья, что я видел ее, слышал ее голос! Так страшно снова потерять ее!.. О, неужели же я завтра снова увижу ее! Да и сейчас она здесь так близко, так мучительно близко! О, если бы поговорить с ней... Да, но как? Ведь я совсем забыл, что мы не одни. Но почему так взволнован стал господин Волжин? Неужели же и он?.. Таня, милая, неужели вся твоя жизнь какая-то тайна? Но разве можно винить тебя, что каждый кто ближе знал тебя, кто умел читать твою душу, не может, не в силах забыть тебя!...

А она, закрыв глаза, тихо лежала на диване вся отдавшись нахлыновшему потоку самых разнообразных воспоминаний и переживаний... Так взволновала и испугала ее эта неожиданная встреча... С такой безнадежной тоской она ждала встречи с тем, который оставил такой яркий и неизгладимый след в ее жизни!.. Боже, как она полюбила этого человека! Как тоскливо жила она борясь между чувством и долгом!... Почему судьба подготовила их встречу как раз тогда, когда она была уже невестой другого? Ведь до сих пор она не знает, был ли он женат, или, как она слыхала, только связан с другой женщиной? Она знала, что чувство долга у такого человека, как он, настолько сильно, что он никогда не оставит доверившуюся ему женщину. Почему он никогда ни слова не говорил о своей жизни? Да и что он мог сказать, зная что она уже связана словом с другим человеком? А как он смеялся! И что это был за смех? В нем звучал вызов судьбе, горечь обездоленной и вечно тоскующей и ищущей души... Словно вся его жизнь была горькой и обидной шуткой,

и она знала, она чувствовала, как тяжела ему разлука с нею!.. Сколько незабываемых минут она провела с ним, с этим редким человеком умеющим всю жизнь, каждый штрих ее, каждую прожитую минуту превратить силой своей фантазии в яркий по своей красоте, силе и чувству момент! Да, он умел жить и любить с какой-то сверкающей, захватывающей красотой! Какой духовной силой и волей были полны каждое слово, каждый взгляд его. Как она верила ему, как ждала поддержки, стоя на грани надвигающихся событий, участницей которых помимо своей воли пришлось ей стать и которые оставили такой тяжелый след в ее жизни. Измученная и обессиленная она получила еще один удар, самый страшный, который приберегла для нее судьба. Неужели же он, ее вера, ее любовь был косвенной причиной бывших страданий. Что она могла сказать ему при прощании, растерявшаяся и нравственно надломленная?.. И опять плывут воспоминания...

Вот она сидит на крыльце полузанесенном снегом. Он рядом с нею. Сколько тоски, сколько любви в его взгляде. Случайно сказанная ею фраза, что она сделала с ним!.. Нет! Он не виноват! Да как я смела тогда подумать, хоть на минуту усомниться в этом человеке! Слышишь ли ты меня? Прости! Но здесь, все-таки, какая-то тайна, которую ни ты, ни я не в силах разгадать. Ведь все могло быть по-иному, если бы?.. Но до сих пор я не нахожу ответа... Может быть ты никогда не любил меня. Может быть это просто самообман слишком любящего человека?... А может быть виной условия жизни искалеченной девятым валом налетевшим на нашу родину?..

Вот и Волжин, как сейчас помню, тоже мучился, смеялся и был около меня на юге. Но тогда я была слишком ребенком, не понимала и смеялась над его чувством. Ведь началось всё шуткой, и до конца я принимала всё за шутку. Хотя нет, потом я поняла, почувствовала, нельзя было не почувствовать, что это неподдельное чувство. Почему в тот вечер, когда он говорил так много, так горячо и порывисто, почему во мне заговорило к нему какое-то теплое, хорошее и глубокое чувство. Может быть именно он любил меня так, как мечтает каждая из нас будучи девушкой... Поче-

му-то сейчас я вспомнила его слова, что я лучший инструмент, который когда-либо создала рука человека, и если прикоснуться к нему умелой рукой, то он подарит чудные, незабываемые мелодии, и горе если попадет в неумелые руки...

Быть может он был прав, и жизнь моя разбита неумелой рукой... Может быть я здесь прошла мимо счастья, призрак которого манит каждого из нас? Неужели я в детском неведеньи прошла мимо, не слыхала самой лучшей песни земли, песни души человека полной света любви, прошла так же, как мимо тех белых цветов, которые он бросил к моим ногам при последней безмолвной нашей встрече?.. Который же из вас таил в себе эту чудную песнь любви, яркую, как свет живительного солнца и хрупкую, как легкие крылья мечты? Неужели и здесь обман, мираж души, дурман весенней юной сказки? Неужели ни один из них не любил меня, а это было ни что иное, как только бурный порыв юной души, в которой все живо и бьет чувством!.. Но почему же так поседел Бояновский, так изменился? Почему не женился, отказавшись от личного счастья?... Какой глубокой грустью и безысходной тоской были полны его письма. Почему из писем родных я видела, что он не забыл меня, что каждый удар судьбы, выпавший на мою долю, болью и скорбью отзывался на нем!.. Не он ли тот, который сумел сохранить в себе самую нежную струну души человека, поющую божественную мелодию любви до самозабвения?.. А может быть и здесь ошибка, может быть и здесь мираж в пустыне жизни, вечная мечта ищущего красоты и полноты жизни и... Если нет алтаря и божества, которому молиться, то нет и смысла жизни... Пускай все пережитое лишь призрак, лишь греза яркая, но чем ярче, чем лучезарнее, тем полнее, многограннее духовная мощь человека!... Погаснет солнце и умрет все живущее, но гамма красок, чувств, мыслей и желаний не померкнет, не потеряет свою силу. Если отнять у меня веру в любовь, что останется у меня? И да и у каждого из них, какой нужно зажечь светильник, чтобы скрасить серые потемки жизни?.. Пустота, жуткая до безумия охватит душу мою и не потому, что мне нужна только любовь, нет, а лишь потому, что иначе не будет веры в человека, жизнь обесценит-

ся, останется лишь извечный ритм движения без души, без радости, без муки и красоты стремления и взлета в бесконечное!.. Неужели же мне предназначено было только коснуться волшебного кубка любви, но не утолить вечной жажды познания?.. Да, я не знала любви, вернее не было веры в ответное чувство. Ведь до сих пор я лично не знаю, который же любил меня, и если любил, то и сейчас любит. Ведь у любви нет назначенного начала и нет конца, в ней только бесконечное!..

Как страшно, как безумно жутко ошибиться, не лучше ли жить мечтой, жить лучезарной пленительной сказкой, чтобы не знать что, может быть, вся жизнь, чувства, — всё лишь горький обман тоскующей по красоте души. Ведь завтра же все выяснится, который же любил меня, а если ни один?.. Тогда конец лучшей на земле сказке, конец самого лучшего, что каждый из нас, как яркий светоч, бережно хранит в душе своей!.. Не лучше ли уйти, уберечь себя и их от горьких мук разочарования и горечи обманутых надежд... Да, я уйду, выйду на следующей станции. Лучше красивая мечта, яркий жизненный бред, чем пустота, бесцветность повседневности... Уйду полна тоски, неудовлетворенности, но с лучшей из песен, с самой яркой и, быть может, самой обманчивой сказкой, какую создала душа человека вечно стремящегося к красоте и любви, то есть к тому, в чем начало и конец всего живущего... Это не трусость, это не бегство, а *право* обездоленного человека сохранить, сберечь единственную лучшую сказку земли!

Утром, проснувшись после тревожного сна вызванного обессилившими их воспоминаниями, ее спутники поняли, что их мечта юности, их яркий порыв в беспредельность прекрасного, ушли в безызвестноть, куда вечно рвется ищущая душа человека!..

Вознестись бы молитвой высоко,
В высь заоблачной, яркой мечты!
Заглянуть в свою душу глубоко,
Чтоб узреть в ней отсвет *Красоты!*

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

ПРОЗА